

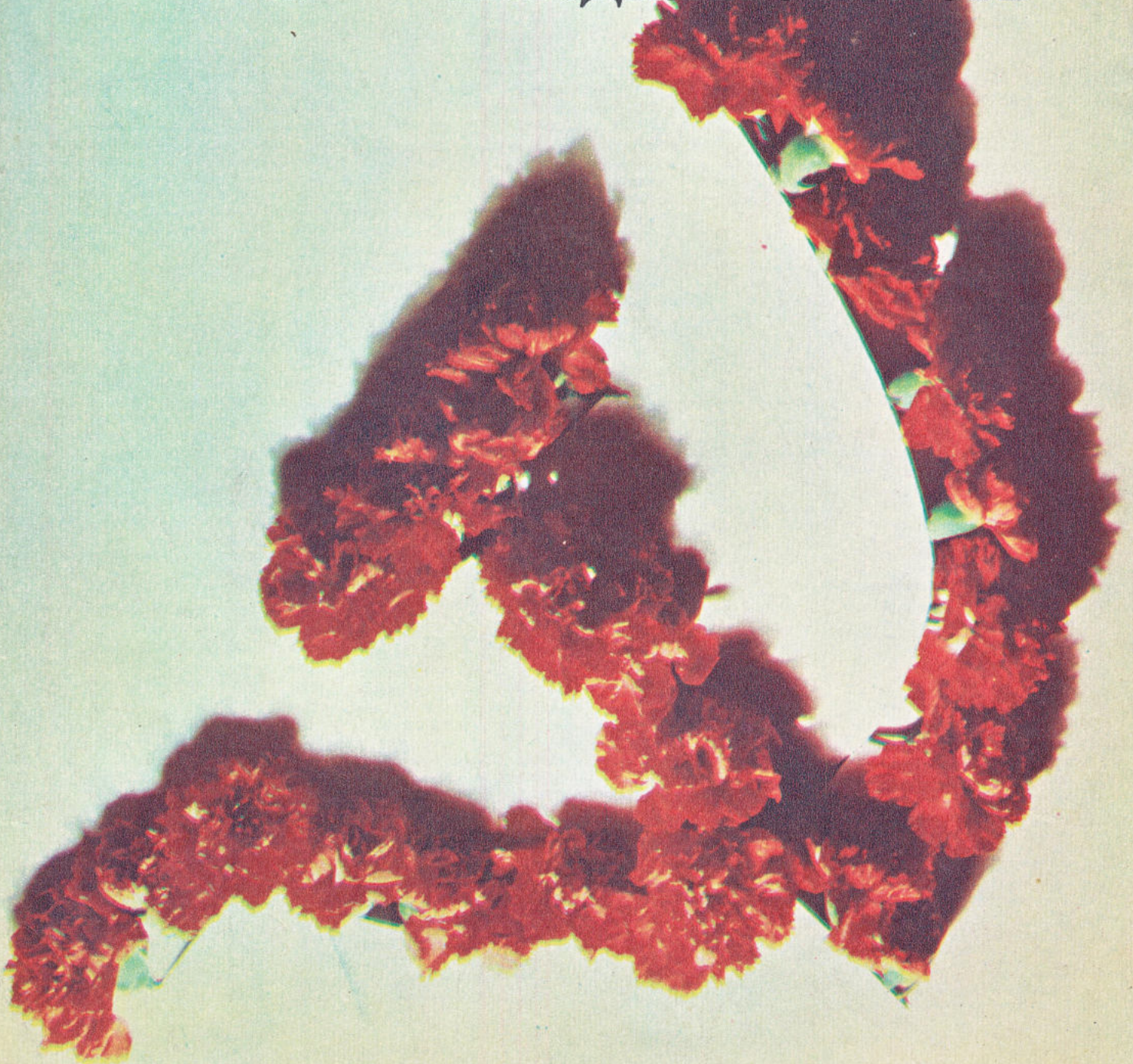
ЖУРНАЛ
С ВКЛАДНЫМИ
ГРАМЗАПИСЯМИ

Жульб

18 СЕНТЯБРЬ

1978

И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
САМОДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Пролетарии всех стран,
соединяйтесь!

Клуб

**И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
САМОДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

Общественно-политический
и научно-методический
журнал ВЦСПС и Министерства
культуры СССР

18 (504)
СЕНТЯБРЬ
1978

Год издания
двадцать восьмой
Выходит два раза в месяц

Главный редактор
В. Б. Чурбанов.

Редакционная коллегия:
К. И. Асанов,
ответственный секретарь,
А. П. Беляков,
Н. В. Вайнонен,
Н. И. Дежинов,
В. П. Канунников,
А. И. Касков,
А. Т. Ляшенко,
Е. В. Олишев,
зам. главного редактора,
Р. А. Папилов,
О. Я. Ремез,
В. С. Сергутин,
В. М. Стриганов,
В. В. Сухорадо,
А. В. Тихонов,
Р. В. Уваров.

Номер вела заместитель
ответственного секретаря
Л. Б. Гафонова.

Главный художник
А. Б. Буркатовский.

Художник номера
И. И. Сулов.

Художественный редактор
Т. В. Юрченко.

Технический редактор
Л. М. Литвиненко.

Фото:
Е. Бельченко, Ю. Рыбчинский.

Первая страница обложки:
художник **А. С. Щелоков.**

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВЦСПС
ПРОФИЗДАТ

Вкладные пластинки
изготовлены Всесоюзной
студией грамзаписи
фирмы «Мелодия».

Адрес редакции:
Москва, Центр, ул. Кирова, 13.
Телефон: 223-29-63.

Сдано в набор 31.07.78. Подписано к
печати 29.08.78. А-14091. Бумага 60 ×
× 90¹/₈. Печать глубокая, гарнитура
журнальная рубленая. Усл. п. л. 5.
Уч.-изд. л. 8,32. Тираж 158 450 экз. Зак.
3359. Ордена Трудового Красного Зна-
мени Ленинградская типография № 3
имени Ивана Федорова «Союзполи-
графпрома» при Государственном
комитете Совета Министров СССР по
делам издательства, полиграфии и
книжной торговли, 196126, Ленинград,
Звенигородская, 11.

© «Клуб и художественная
самодеятельность», 1978 г.

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО НОМЕРАМ

**На вкладных пластинках
номера**

**Первая и вторая
стороны первой
пластинки:**

«Звуковая Лениниана»

Выпуск третий

На пластинке звучат: документаль-
ные записи выступления В. И. Ле-
нина, Г. К. Орджоникидзе; вос-
поминания Е. П. Пешковой и
В. А. Карпинского — редактора га-
зеты «Беднота», а также фрагмент
спектакля Московского Художе-
ственного Академического театра
«Кремлевские куранты».

**Разбор практики: опыт,
проблемы, суждения**

**Молодость
старого Дворца** 3

Е. Борисоглебская,
наш спец. корр.

Л. И. Брежнев в книге воспомина-
ний «Возрождение» писал: «Мы
получили в ВЦСПС деньги на вос-
становление дворца екатеринин-
ских времен. Его решено было
передать студентам... Так появил-
ся у нас Дворец культуры студен-
тов — замечательный памятник ар-
хитектуры и самый популярный
молодежный клуб в Днепропет-
ровске». С той памятной поры
прошло более 30 лет. Каков воз-
рожденный Дворец сегодня?
Об этом рассказывает наш кор-
респондент.

**Постановление Секретариа-
та ВЦСПС «О расходовании
средств профсоюзного бюд-
жета на культурно-массовую
работу» [от 7 июня 1978 года
№ 16-168]** 9

**Разбор практики: опыт,
проблемы, суждения**

**Свой человек
в Елизаветовке** 11

В. Сагалова,
наш спец. корр.

Очерк о лауреате премии Ленин-
ского комсомола художественном
руководителе Дома культуры в
с. Елизаветовка Донецкой области
Валентине Рябко.

Этика, эстетика, этикет

**«Помогите гостям
улыбнуться...»** 15

С. Волин,
журналист

Что делает молодежный вечер
увлекательным и умным, веселым
и запоминающимся? Как органи-
зуется на таких вечерах общение,
как создается их «микроклимат»?

Что это вообще такое — современ-
ный молодежный вечер отдыха?
Над этими и другими вопросами
размышляет автор в своих замет-
ках.

Круг чтения

Мудрость этикета 19

Т. Песоцкая,
журналистка

Рассказ о книге «Если мы веж-
ливы...»

**Досуги, которые мы
выбираем**

Возвращение к детству 21

Л. Никитина,
библиотекарь
Болшевской городской
библиотеки имени С. Дурыллина

О семье Никитиных из подмоско-
вного города Болшево пишут мно-
го, ей посвящаются фильмы и те-
левизионные передачи. О методи-
ке развивающего семейного вос-
питания рассказывал и наш жур-
нал. Одним из важных средств та-
кого воспитания, по признанию
Никитиных, стали семейные чте-
ния. Огромна роль книги в воспи-
тании детей — таково убеждение
Лены Алексеевны Никитиной.

Человек с мегафоном 23

В. Якуш,
журналистка

В маленьких городах нет профес-
сиональных гидов. Ими здесь ста-
новятся знатоки своего города.
Многие из тех, кто побывал в Нов-
городе-Северском, с признатель-
ностью вспоминают о пенсионере
Леониде Васильевиче Хоткевиче.
Много лет назад он увлекся исто-
рией родного края и начал кро-
потливо изучать ее в свободные
часы. Досуговое увлечение быв-
шего учителя стало нужным обще-
ственно-полезным делом.

От фестиваля к фестивалю

Строим «хоровой дом» 25

М. Заринская,
художественный руководитель
народного академического
женского хора ленинградского
Дворца культуры
имени В. Капанова,
заслуженный работник
культуры РСФСР

Народный академический хор
Дворца культуры имени В. Капа-
нова в 1977 году стал лауреатом
Всесоюзного фестиваля самоде-
ятельного художественного творче-
ства трудящихся, а на междуна-
родном конкурсе «Таллин-72» был
удостоен высшей награды — золо-
той медали. О творческой и нрав-
ственной атмосфере в коллективе,
формируемой кропотливой обра-
зовательной и учебно-воспитатель-
ной работой, пишет в своей статье
руководитель хора.

Разбор практики: опыт, проблемы, суждения

Дискотеки или посиделки! 29

Г. Богданов,
методист Всесоюзного Дома
народного творчества

В лучших фольклорных традициях, которые складывались веками, запечатлена глубокая мудрость, жизненный опыт многих поколений — таково убеждение автора. В своей статье он рассматривает роль фольклорного танца в клубной практике нравственного и эстетического воспитания.

На вкладных пластинках номера

Первая сторона второй пластинки: «Урожайная»

На пластинке звучит музыка И. Дунаевского, стихи А. Прокофьева, фрагменты песен А. Пахмутовой и Н. Добронравова «Шумят хлеба», Р. Майорова и В. Харитоновна «Люблю тебя, земля», В. Мигули и Н. Зиновьева «Хлеборобы».

Вторая сторона второй пластинки: «Школа популярной музыки»

Выпуск третий

ВИА — автограф

Анатомия шлягера 34

Р. Паулс,
композитор, художественный
руководитель ансамбля «Модо»
Об эстрадно-танцевальной песне,
о задачах музыки «хорошего на-
строения», перспективах ее разви-
тия рассказывает известный ком-
позитор.

ВИА — мастерская

Аранжировка для ВИА 36

Выпуск шестой
Г. Гаранян
Ритмы стиля «диско» (2)

Мир грамзаписи

Каталог новых дисков 38

Выпуск семнадцатый
Г. Облезова,
наш спец. корр.

Круг чтения

Секрет Полишинеля 40

А. Боссарт,
журналистка
Представляем вниманию читателей
журнал «Декоративное искусство
СССР» № 2, 1978 года, посвящен-
ный проблемам кукольного театра.

**УТВЕРЖДЕН ОСНОВНОЙ ЗАКОН
ПЕРВОГО В МИРЕ ОБЩЕНАРОДНОГО
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВА.
КОНСТИТУЦИОННО ЗАКРЕПЛЕН
НОВЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ РУБЕЖ
В НАШЕМ ДВИЖЕНИИ К КОММУНИЗМУ —
ПОСТРОЕНИЕ РАЗВИТОГО
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА.
ПРОЙДУТ ГОДЫ, ДЕСЯТИЛЕТИЯ,
НО ЭТОТ ОКТЯБРЬСКИЙ ДЕНЬ
НАВСЕГДА ОСТАНЕТСЯ
В ПАМЯТИ НАРОДНОЙ
КАК ЯРКОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО
ПОДЛИННОГО ТОРЖЕСТВА
ЛЕНИНСКИХ ПРИНЦИПОВ
НАРОДОВЛАСТИЯ. И ЧЕМ ДАЛЬШЕ
БУДЕТ ПРОДВИГАТЬСЯ НАШЕ
ОБЩЕСТВО ВПЕРЕД ПО ПУТИ
К КОММУНИЗМУ, ТЕМ ПОЛНЕЕ БУДУТ
РАСКРЫВАТЬСЯ ОТРАЖЕННЫЕ
В НОВОЙ КОНСТИТУЦИИ ОГРОМНЫЕ
ТВОРЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕМОКРАТИИ —
ВЛАСТИ НАРОДА,
ВЛАСТИ В ИНТЕРЕСАХ НАРОДА.**

Л. И. БРЕЖНЕВ

Документы эпохи

**Первая и вторая
стороны первой
пластинки:**

«Звуковая Лениниана»

Выпуск третий

Этот выпуск посвящен знаменательнейшему периоду в жизни нашей страны, когда первое в мире рабоче-крестьянское государство начало наступление на разруху, голод, безграмотность, отсталость, доставшиеся Советской Республи-

ке в наследство от царского самодержавия. Главным оружием в этом наступлении стал план электрификации страны, задуманный Владимиром Ильичем в 1918 году.

На нашей вкладной пластинке звучат: документальные записи выступлений В. И. Ленина, Г. К. Орджоникидзе; воспоминания Е. П. Пешковой и В. А. Карпинского — редактора газеты «Беднота», а также фрагмент спектакля Московского Художественного Академического театра «Кремлевские куранты». В роли В. И. Ленина — народный артист СССР Б. Смирнов.

Владимир Ильич Ленин.

«...Чтобы навсегда спасти трудящихся от гнета помещиков и капиталистов, от восстановления их власти, — надо создать великую красную армию труда. Она будет непобедима, если в ней будет трудовая дисциплина. Рабочие и крестьяне должны доказать, и они докажут, что правильное распределение труда, что беззаветную дисциплину и преданность в труде на общую пользу — они сумеют наладить сами без помещиков и против помещиков, без капиталистов и против капиталистов».

Вячеслав Алексеевич Карпинский, старый большевик, редактор газеты «Беднота».

«Со всех сторон страны приезжали и пешком приходили в Москву, к Ленину, ходоки, избранные на крестьянских сходах... Делегатов поражало, что Владимир Ильич запоминал, как зовут каждого, и в беседе называл его по имени-отчеству. А еще больше изумляло их, что Ленин оказывался осведомленным о нуждах их деревень...»

Григорий Константинович [Серго] Орджоникидзе, выдающийся деятель Коммунистической партии и Советского государства.

«Мы, товарищи, привыкли ежегодно, почти ежемесячно, оповещать страну о наших достижениях, о наших победах... Если теперь сравнить то, что было... и то, что есть сегодня, то картина такова: одна турбина из 9-ти турбин этой могучей станции (Днепровской ГЭС. — Ред.) равняется всему Волховстрою».

Екатерина Павловна Пешкова, общественная деятельница, литератор.

«Часов в пять Владимир Ильич приехал. Алексей Максимович встретил его в передней. Они прошли в кабинет Алексея Максимовича. Через некоторое время они перешли в столовую, продолжая беседу, которую начали в кабинете. Речь шла о положении ученых, о том, как необходимо помочь ученым, писателям, художникам, людям интеллектуального труда».

Из беседы Владимира Ильича Ленина с английским писателем Гербертом Уэллсом (сцена из спектакля Московского Художественного Академического театра имени Горького «Кремлевские куранты» Николая Погодина).

Владимир Ильич Ленин.

«Вы видите Россию во мгле, а мы видим свет над Россией! Вы верите в честных капиталистов, я — нет! Вы придумали милый, чистенький, рождественский социализм, а я стою за диктатуру пролетариата! Диктатура — слово жестокое, тяжелое, кровавое, мучительное! Таких слов на ветер не бросают. Но иначе нельзя мечтать об электрификации, социализме, коммунизме. История покажет, кто из нас прав».

...МЫ ПОЛУЧИЛИ В ВЦСПС ДЕНЬГИ НА ВОССТАНОВЛЕНИЕ ДВОРЦА ЕКАТЕРИНИНСКИХ ВРЕМЕН. ЕГО РЕШЕНО БЫЛО ПЕРЕДАТЬ СТУДЕНТАМ, И КАЖДЫЙ ВУЗОВЕЦ ОТРАБОТАЛ ПЯТЬДЕСЯТ ЧАСОВ НА СТРОИТЕЛЬСТВЕ. ТАК ПОЯВИЛСЯ У НАС ДВОРЕЦ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТОВ — ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ ПАМЯТНИК АРХИТЕКТУРЫ И САМЫЙ ПОПУЛЯРНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ КЛУБ В ДНЕПРОПЕТРОВСКЕ.

Л. И. БРЕЖНЕВ. „ВОЗРОЖДЕНИЕ“

МОЛОДОСТЬ СТАРОГО ДВОРЦА

Е. БОРИСОГЛЕБСКАЯ,
наш спец. корр.

— Знаменитый дворец лежал в руинах. Л. И. Брежнев и председатель ВЦСПС В. В. Кузнецов осматривали разрушенный дворец, — вспоминает бывший секретарь Днепропетровского горкома партии П. Ф. Храпунов. — Они обратили внимание на его историческую и архитектурную ценность.

— Здание дворца, — говорил тогда Л. И. Брежнев, — необходимо восстановить так, чтобы сохранить его изначальный архитектурный вид. Мы думаем устроить здесь Дворец культуры для студентов.

— Ну что же, это хорошо, — согласился В. В. Кузнецов. — ВЦСПС готов выделить для этой цели необходимые ассигнования и оборудование.

... Днепропетровск не только крупный промышленный город. Это еще и город студенческой молодежи. Сегодня в его вузах обучаются более 70 тысяч юношей и девушек. И восемь крупнейших учебных заведений сосредоточено в районе грандиозного парка имени Шевченко, где стоит Дворец. Благодаря уже только этому он стал центром общественной жизни студентов города, их трибуной, школой и ареной их творчества. Он стал им домом, потому что создан руками их отцов и матерей — студентов первых послевоенных лет, рабочих и служащих, залечивших военные раны Днепропетровска.

На месте Дворца тогда стояли стены, опаленные огнем, гулкий зал с сорванной крышей, черные дыры окон. Уцелела только терраса, опирающаяся на центральную часть колоннады. Сегодня все это трудно представить...

Ежегодно, в течение 20 лет проходит здесь, в межвузовском Дворце студентов имени Ю. А. Гагарина, студенческий фестиваль искусств. Все самое яркое и талантливое выносятся на этот фестиваль, и он становится масштабным парадом кипучего гражданского темперамента, широкой эрудиции и оптимизма сегодняшней молодежи. То, о чем мечтали тридцать лет назад днепропетровцы, их партийный руководитель — первый секретарь обкома партии Леонид Ильич Брежнев, воплощается в этих праздниках таланта юности города на Днепре.

... В дни, когда писался этот материал, у студентов была самая трудная пора — экзаменационная сессия. Разошлись по библиотекам клубные заводы. Объявили перерыв в своей работе народные университеты и лектории, студенческие объединения и клубы по интересам, опустел актовый зал... Однако, несмотря на экзаменационный период, жизнь во Дворце шла по строгому расписанию. Здесь продолжали репетиции коллективы художественной самодеятельности: впереди поездки студенческих агитбригад, шекские выступления в селах и на стройках, впереди был XI Всемирный фестиваль молодежи и студентов на Кубе. Поэтому рабочую форму терять никак нельзя. Но и в этих буднях «межсезонья», в дни, когда Дворец студентов свертывает свою обычную работу, — даже в эти дни любой участник послевоенного восстановления, придя во Дворец студентов, убедился бы, что его труд, его надежды не были напрасны.

Много заслуженных художественных коллективов во Дворце, много людей, которые делают все, чтобы студенческая пора освещала всю будущую жизнь молодого специалиста светом творчества, поиска, доброты. Я же расскажу

о трех из большого числа руководителей клубной студенческой жизни. Потому что в своем соединении, где Елена Духова — проба сил, Алексей Маковецкий — период становления и Михаил Пушной — свидетельство того, какого уровня может достичь самостоятельное творчество, они, как мне кажется, дают отчетливую картину жизни Дворца в развитии, в переходе с одной ступени на другую. Итак...

Около двадцати коллективов во Дворце и более половины взрослых на музыка. И народный театр балета, и ансамбль народного танца, и вокальная студия, и камерный хор «Юность»...

Когдаходишь ко Дворцу, доносящиеся из него музыкальные фразы сливаются с похлопываниями. Это танцоры из ансамбля народного танца отработывают движения, и звон их ладоней усиливается сводами. Ребятам тесно в отведенных под занятия помещениях, и они превращают в репетиционные залы холлы, лестницы, вестибюль. Прямо у входных дверей сталкиваюсь с двумя молодыми людьми, которые под им одним слышную музыку идут в кадрили. И так они самозабвенно двигаются вперед, что не распахнуть перед ними дверь невозможно. Они перешагивают через порог, отделяющий паркет от каменных плиток площадки, и как ни в чем не бывало продолжают свою кадрили. Жизнь вырывается за стены Дворца постоянно. То подъезжает грузовик, и на него грузят инструменты. То стайка девушек в балетных платьях занимает место в автобусе, увозящем их на концерт. То вырастают на аллеях и полянах парка этюдники.

Пространство вокруг Дворца словно специально создано для театрального действия. Эти подступы ко Дворцу, с парадом деревьев, эти вестибюли, разбегающиеся лестницами вверх, эти хоры, готовые принять оркестры. Каждая пядь пространства подчинена одному — дать вам возможность соответствовать этому пространству, быть единым с гармонией этих линий, этих заполненных воздухом залов.

Совсем недавно здесь был весенний студенческий бал. Вестибюль превратился в сад. А в соседней комнате, музыкальной гостиной, студентов ждали музыкальные инструменты, и там можно было спеть даме романс, серенаду или баркаролу. Или просто туристскую песню. Это уже по желанию исполнителя. А в чертогах шахматного короля во славу дамы можно было сразиться с противником со всей страстью и пылом, на которые способна молодая душа. Тех же, кто желал знать исход своей судьбы, пажы королевы бала направляли к гадалке. В ее распоряжении были забавные тесты, и она предсказывала будущее, опираясь на шуточный вопросник и на свое ощущение людей, представленных ей. Естественно, что предсказания были самые радужные.

Но за всем этим: за весельем, играми, за фантазией и добротой — дела людей, сотворивших этот бал, и прежде всего Лены Духовой, студентки-дипломницы Харьковского института культуры.

«Весенняя фантазия» — ее диплом. Как мудро, что огромной межвузовский Дворец дал возможность девушке попробо-

вать свои силы, свою способность дарить людям радость.

Молодежный бал с его красочностью, весельем, дружелюбностью, с взявшись за руки парами, стайками юношей и девушек, появившимися во всех уголках Дворца, как нельзя ярче являет ту атмосферу молодой жизни, которая царит в возрожденном Дворце.

После бала — пора покоя и раздумья. И для него есть место во Дворце — в народной самодеятельной студии изобразительного искусства.

Присмотревшись к картинам, еще и еще раз убеждаешься, что молодежь несет в себе в эти солнечные дни мирной весны, на три с лишним десятилетия отстоящие от последней военной, память о тех, кто ушел навсегда, и благодарность тем, кто восстановил разрушенное и возродил мирную жизнь.

Скачут кони, унося телегу с мешком хлеба и распростертым телом комсомольца, который, вероятно, защищал этот хлеб, пока не упал, сраженный тут же, навзничь.

Женская сжавшаяся фигура остановилась на границе света и тьмы под фонарем, высвечивающим холодный, застывший блокадный город.

Из огня и пламени поднимается человек, последним усилием мускулов бросающий себя вперед, на врага, из развалин Брестской крепости. Это работы Федора Божко. Все его картины объединяет сюжет защиты Брестской крепости. Сейчас он вынашивает замысел новой картины.

— Представьте себе человека. Слепого. С последней гранатой. Перед его глазами сплошная темнота. И только звуки боя вспыхивают в его сознании, как цветные вихри. Он идет на треск фашистского автомата. Туда он бросит гранату. Я хочу нарисовать его в круговерти, отрывающей от земли. Чтобы одновременно был в этой картине и уход из жизни и возрождение, бессмертие.

За этим, за умением молодых художников передать мгновение в сконцентрированном виде, — человеческий и педагогический поиск руководителя.

Пятнадцать лет работает во Дворце Михаил Федорович Пушной. Так же как у Лены Духовой, был у Пушного период проб и отбора, пока не сложилась художественная студия. Народная художественная студия, чьи работы экспонируются в Киеве, Москве, Монреале. И которая стала лауреатом I Всесоюзного фестиваля самодеятельного художественного творчества трудящихся.

Пришел Пушной на место руководителя, которого любили все студии. Нового педагога встретили в штыки. Сначала забраковали натуру, которую он привел с собой. А потом и совсем ушли из мастерской в коридор, обсуждать создавшееся положение. А Пушной тем временем стал работать. Он не думал доказывать строптивым мальчишкам и девчонкам свою профессиональную пригодность. Просто была натура, была студия. Так неужели же он, художник, мог позволить себе тратить время на выяснение отношений? С того первого дня он всегда работает со своими студийцами, используя часы занятий, чтобы и самому успеть что-то сделать. Студийцы рисуют

натюрморт — и он рисует натюрморт. Студийцы отправляются писать пейзаж — и он пишет тот же пейзаж. Спрашиваю его: зачем он это делает? Чтобы дать образец? Дать наглядную возможность сравнить и найти ошибки? Он смеется:

— Да нет, чтобы не стоять за спиной. У нас даже в правилах записано: «Не стой за спиной». Пока человек чувствует, что ему в затылок дышат, он вряд ли почувствует себя раскованно. Ну а если нельзя стоять за спиной, то что-то я должен делать? Вот и пишу вместе со всеми.

Это, конечно, шутка, но в ней есть доля истины — он ни в коем случае не хочет стеснять внутренней свободы студийцев. И, может быть, законный мой вопрос, каким образом сумел он добиться от непрофессионалов такой раскрепощенности, такого свободного владения полем картины, в шутовском ответе уже получил частичное разрешение.

Но главный педагогический секрет Пушного — в работе с натурой. Натура бывает разная. И каждый позирующий для студийцев несет свою, порою скрытую выразительность. И ее надо подчеркнуть костюмом, фоном, постановкой, чтобы проявить в полной мере. Так, при участии Пушного возникают маленькие костюмированные выходы, когда один натурщик при помощи шляпы и робы превращается в рыбака, другой, надев фрак, становится похож на скрипичного концертанта.

Пожалуй, в этом «сюжетивании» природы и проявляется наиболее ярко педагогическое кредо художника — не показывать студийцам модель в рамках учебной композиции, а дать ей возможность выйти в жизнь. Человек живущий, действующий, а не просто позирующий — вот мера, с которой художник подходит к картинам, рождающимся из наблюдения природы. И потому нагая модель превращается на картине в девушку военного времени, сбросившую солдатское обмундирование и наслаждающуюся покоем, водой, тишиной. А хорошенкая северянка, несколько часов просидевшая перед студийцами, тут же, одним из самодельных художников управлена на край света к собачьим упряжкам, превратившись на картине в молодого специалиста, который вернулся в родные края. Наверное, с точки зрения «школы», работы эти далеки от совершенства, но зато за счет смелого движения в жизнь, в события, в драматические ситуации у Пушного студийцы быстро преодолевают робость.

Какую бы выставку ни решил организовать Дворец, в студии всегда найдутся полотна на соответствующую тему. За несколько дней студия своими пейзажами может впустить во Дворец сразу и осень, и зиму, и весну, и лето. Или пригласить зрителей прогуляться по старым улицам Днепропетровска. Все в ее силах. Все она может. Земля людей с их прошлым и будущим, работами сегодняшнего дня, с любовью и грустью, творчеством и сомнениями входит во Дворец вместе со студийными работами.

Сосредоточившись после многолюдья бала у картин молодых художников, пора явить еще одну краску в палитре нынешнего Дворца, которую вносят те, кто

заслужил популярность и признание не только мастерством и удачно, но и приверженностью своей к корням, к почве, взрастившей их, к народной основе. . .

И-ах! Захлебнулся в шумном вздохе барабан. И-эй — повело высоко наверх хор скрипок. Та-та-та — заторопился вслед им бубен. И поехало, закрутилось, завертелось. . .

Зоя Семеновна Корчинская, заведующая методическим отделом, которая пестует молодежь Дворца, помогая ей осуществлять свои замыслы (не без ее участия создавалась и «Весенняя фантазия»), дипломатично забрасывает мне в память фамилию — Маковецкий. Через несколько дней фамилия в моем сознании созрела до некоего образа фанатичного приверженца фольклорных редкостей со впалыми висками и прокурными усами. Реальностью оказались только усы, которые, несмотря на всю роскошь, не прибавляют ни дня к написанным на Алешином лице 22 годам. Из них четыре он руководит «Ранком». Конь вскачь, искра из-под копыт, ветер в лицо — вот что такое «Ранок». Исчезают стены репетиционной комнаты: книжные шкафы с фольклорными фолиантами, матово поблескивающей ролей. . . Да и сами студенты-медики преобразуются, и на их месте оказываются уличные музыканты, пританцовывающие на месте от избытка сил. По духу своему в эти минуты они — ближайшие родственники гоголевских школяров и бурсаков, отпущенных на каникулы. Не боящихся ни черта, ни странного головы, ни даже собственного батьки, который, как известно, страшнее всякого черта. Бродить по белу свету, веселить людей и бичевать пороки в хлестких, коротких песнях с интермедиями — вот достойное занятие.

Их интермедии развивают вечную тему «брюха» и «души», вступивших в конфликт с момента своего появления на свет. Иметь или быть. . . Каждому человеку приходится разрешать в жизни эту дилемму, но для бродячих музыкантов, переселенников и задрив возможен только один выбор — быть, потому что они сами выбрали вольное житье. И они дружным хором потешаются над сытыми мечтами о вечном благоденствии.

Я слушаю «Ранок», и мне приходит в голову, что это не просто фольклорная группа, которая исполняет народные песни так, как они пелись уличными певцами. Это не только километры перевернутых страниц старинных музыкальных изданий в поисках оригинальных мелодий и фольклорные экспедиции в глубинку за песнями. «Ранок» — это своеобразная реакция молодых, живых, энергичных людей на липучую лирику, пристающую со всех сторон. На примитивные песни со стенаниями без драмы, где плачутся над осадками, временами года и телефонными звонками.

«Жить навзлет!» — наверное, таким мог бы быть девиз «Ранка», во многом отражающий характер самого Маковецкого. Во всяком случае тот его характер, который сложился в нем на сегодняшний день, к 22 годам. . .

Несколько лет назад подающий надежды юный скрипач, который уже выступал публично с филармоническим оркестром, повредил себе руку. Драматизиро-

вав этот эпизод, можно было бы написать целую историю о сомнениях и бессонных ночах. Но я лучше расскажу, как Алеша Маковецкий поступил в медицинский институт, стал «повышенным» стипендиатом и пришел во Дворец с идеей создать фольклорный ансамбль.

Часто люди, получившие первый чувствительный укол, сжимаются в комок и начинают ждать чуда, которое придет со стороны и выведет их из этого промежуточного, ожидающего состояния. Но счастье не появляется по заказу. И нельзя нажать некую чудодейственную кнопку. Счастье — это всегда результат жизни, требующей напряжения, риска, усилий, сомнений. Он взял на себя двойную нагрузку: учебу и ансамбль. И еще, в свободное время от занятий он делает скрипки для фольклорного оркестра. Поскольку делает он старинные инструменты, то нередко у него нет даже приблизительных описаний и чертежей. Во французском фильме он где-то на дальнем плане увидел коллекцию старинных инструментов. Там была скрипка с почти прямоугольным коробом дека. Он ходил и ходил смотреть на эту мелькающую секунды в кадре коллекцию, пока не запомнил инструмент в деталях. Я пытаюсь понять, как из обыкновенной фанеры вышла эта шестиструнная скрипка с бранчливым голосом и интонацией «Вот я тебя!» — а Алеша делает аккуратное, расчетливое движение кистью руки, как будто скальпелем снимает ткань, и я вижу, как он препарирует дерево, отделяя волокно за волокном от плоти основы.

Мы часто говорим, что суть клубной жизни в том состоит, чтобы каждому человеку удалось найти там место по душе. Истинный клуб — это куда приходят со своим делом или создают его в течение нескольких лет.

Не создай такого дела любители песни, и не было бы самого массового коллектива Дворца — клуба студенческой песни.

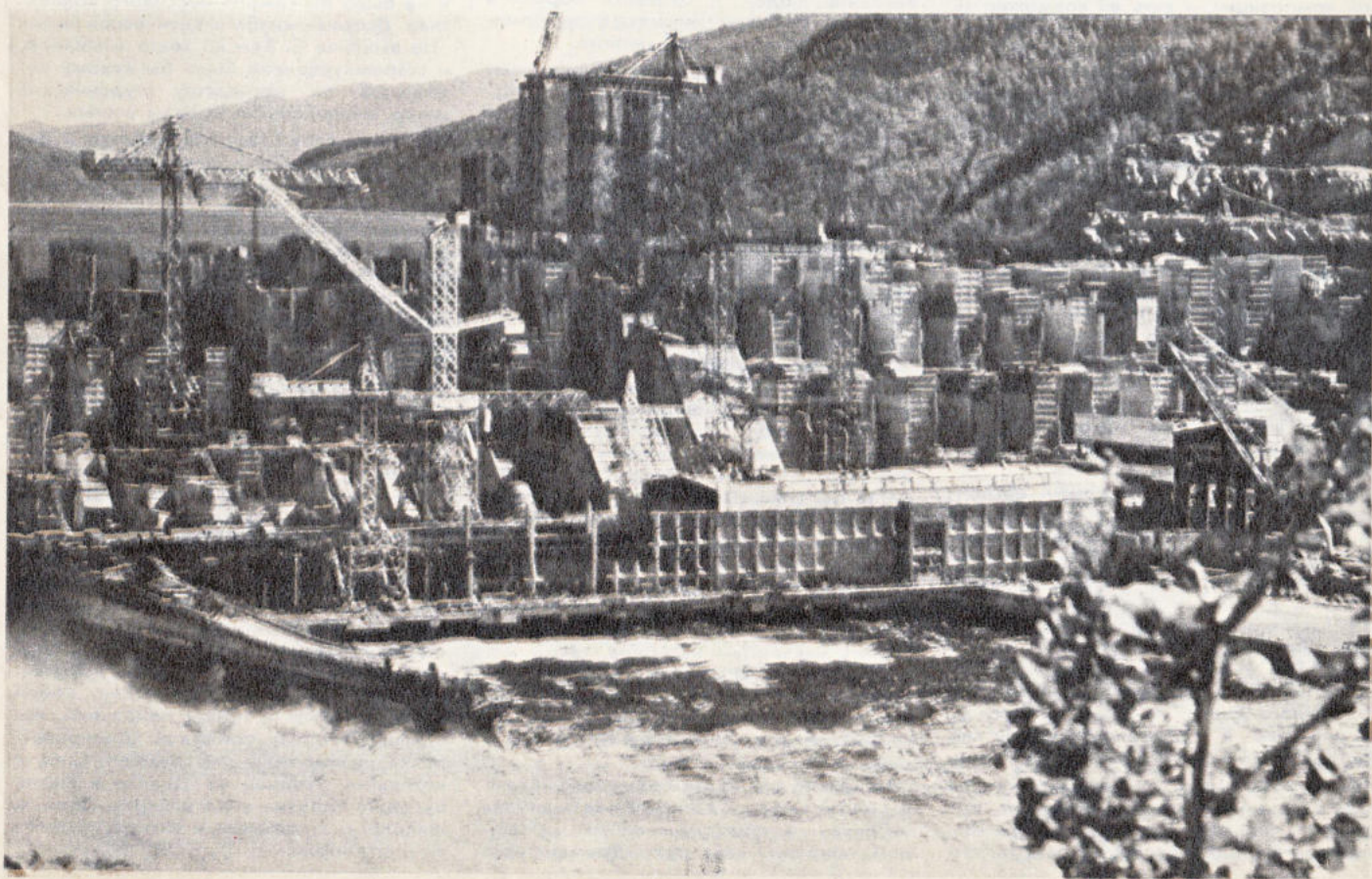
Не вынычли С. Хаенко театр миниатюр, и старшекурсникам было бы некому передавать по наследству студенческий юмор, накопленный за годы учения.

Не трать себя с такой щедростью Л. Ворина, и ансамбль бандуристок, возвращенный ею, не отмечал бы в этом году свое пятнадцатилетие.

Я упомянула только о нескольких людях, своими повседневными делами действительно делающих дворец Дворцом. Наверное, эти отдельные штрихи не складываются в портрет Дворца, потому что их слишком мало, а Дворец велик. Жизнь его многообразна — от встреч с общественными деятелями, выдающимися рабочими, учеными, мастерами искусства, дискуссий и выставок до концертов, балов, танцевальных вечеров, от обсуждения комсомольских дел, итогов «третьего семестра» и результатов работы студенческих научных обществ до создания студенческих спектаклей, песен, живописи. . . Его, Дворец, конечно, надо видеть. Он стоит как бы на рубеже двух времен. С одной стороны за ним начинается старый город. А с другой, со стороны набережной, навдвигаются корпуса молодежных студенческих общежитий — новостроек. Он воплощает собой и плоды труда и побед поколений, создавших социалистический Днепропетровск, и надежды завтрашнего дня, с которыми уходили из Дворца в жизнь будущие горняки и металлурги, врачи и филологи, музыканты и актеры, педагоги и строители.

ТЕПЛОМ СЕРДЕЦ

6

«О РАСХОДОВАНИИ СРЕДСТВ ПРОФСОЮЗНОГО БЮДЖЕТА НА КУЛЬТУРНО-МАССОВУЮ РАБОТУ»

Постановление Секретариата ВЦСПС (от 7 июня 1978 года № 16-168)

9

В этом и следующем номерах журнал публикует в сокращении Положение о расходовании средств профсоюзного бюджета фабричными, заводскими, местными комитетами и культурно-просветительными учреждениями профсоюзов на культурно-массовую работу.

Настоящим Положением предусмотрены основные направления в расходовании средств профсоюзного бюджета фабричными, заводскими, местными комитетами и культурно-просветительными учреждениями профсоюзов, имеющими самостоятельный баланс, на проведение культурно-массовой работы.

Положение разработано на основе действующих постановлений ВЦСПС и является обязательным для исполнения всеми профсоюзными организациями и культурно-просветительными учреждениями профсоюзов.

1. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

1.1. Размер ассигнований на культурно-массовую работу определяется исходя из планов работы и финансовых возможностей фабричных, заводских, местных комитетов и культурно-просветительных учреждений профсоюзов, в соответствии с утвержденной сметой доходов и расходов.

1.2. Фабричные, заводские и местные комитеты профсоюзов могут кооперировать средства на совместное использование клубных учреждений для проведения мероприятий по обслуживанию рабочих и служащих. Размер долевого участия в расходах определяется по соглашению сторон, в зависимости от числа работающих на каждом предприятии.

1.3. Фабричные, заводские, местные комитеты и культурно-просветительные учреждения могут сдавать в аренду залы и помещения клубных учреждений профсоюзов, если это не связано с уменьшением объема их работы, и направлять поступающие средства на проведение культурно-воспитательных мероприятий.

1.4. Расходы по смете производятся путем безналичных расчетов через учреждения Государственного банка СССР, по счетам соответствующих организаций.

1.5. За наличный расчет приобретаются в розничной торговой сети необходимые промышленные товары и материалы: ФЗМК — на сумму до 5 рублей, культурно-просветительными учреждениями — до 10 рублей по одному расходу.

1.6. Продажа через розничную торговую сеть по безналичному расчету промышленных товаров и материалов Дворцам культуры, клубам и другим социально-культурным учреждениям производится без ограничения лимитом мелкого опта, за исключением товаров и материалов, продажа которых в порядке мелкого опта запрещена.

2. РАСХОДЫ НА КУЛЬТУРНО-ВОСПИТАТЕЛЬНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ, РАБОТУ С ДЕТЬМИ, ПОДГОТОВКУ ПРОФАКТИВА И ПРОФСОЮЗНЫХ КАДРОВ

2.1. Фабричные, заводские, местные комитеты профсоюзов за счет средств профсоюзного бюджета могут:

производить расходы на коллективное посещение местных музеев и выставок;

приобретать абонементы для посещения музыкально-литературных, научно-популярных и тематических лекториев учащимся школ-интернатов, детских домов и работающими подрастающими;

предусматривать в необходимых случаях в своих сметах ассигнования на покрытие дефицита в размере 10 процентов по изданию многотиражных газет, имея в виду, что 90 процентов относится за счет общеамериканских, общеучрежденческих расходов (общая сумма дефицита утверждается в годовой смете газеты, а средства на его покрытие перечисляются ежеквартально равными частями);

оплачивать проезд и суточные за время нахождения в пути при направлении штатных работников ФЗМК, культурного аппарата или профсоюзного актива на семинары, проводимые вышестоящими профсоюзными органами;

приобретать в необходимых случаях школьные учебники для пополнения обменных библиотечных фондов подшефных общеобразовательных школ;

производить затраты на проведение праздника новогодней елки из расчета стоимости билета 1 руб. 40 коп., а в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях — 1 руб.

70 коп., а также определять в пределах стоимости билета расходы на подарки и культобслуживание;

оплачивать 70 процентов стоимости путевок на городские и загородные экскурсии, путешествия по местным маршрутам выходного дня, организуемые туристско-экскурсионными учреждениями профсоюзов, продолжительностью не более двух, а с учетом праздничных дней — не более четырех суток с уплатой членами профсоюзов и членами их семей 30 процентов стоимости путевки;

Примечание. Путевки на экскурсии и путешествия выходного дня рекомендуются приобретать в основном для новаторов производства, победителей социалистического соревнования, ветеранов труда, лучших работников, участников Великой Отечественной войны, общественного актива, участников художественной самодеятельности, пропагандистов школ коммунистического труда.

оплачивать при наличии финансовых возможностей стоимость экскурсий для детей, отдыхающих в городских и загородных пионерских лагерях, из расчета 1—2 городских и загородных экскурсий для каждой смены.

2.2. Фабричные, заводские, местные комитеты профсоюзов за счет средств профсоюзного бюджета могут производить расходы на оплату концертов, спектаклей и киносеансов, устраиваемых для рабочих и служащих после торжественных заседаний, посвященных празднованию 1 Мая — Дня международной солидарности трудящихся, 7—8 ноября — годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, 8 Марта — Международного женского дня, 9 Мая — праздника Победы, 7 октября — Дня Конституции СССР, в клубах, Дворцах культуры, красных уголках и помещениях, принадлежащих предприятиям и учреждениям, в следующих пределах:

для предприятий, строительных организаций, совхозов (колхозов) с числом работающих:

свыше 10 тыс. человек	— не более 600 рублей
от 5 до 10 тыс. человек	„ 300 рублей
от 1,5 до 5 тыс. человек	„ 120 рублей
от 500 человек	„

до 1,5 тыс. человек	„ 60 рублей
до 500 человек	„ 24 рублей

для учреждений и организаций непроизводственной сферы с числом работающих:

свыше 1 000 человек	— не более 60 рублей
от 500 до 1 000 человек	„ 45 рублей
от 200 до 500 человек	„ 32 рублей
до 200 человек	„ 12 рублей

Концерты и спектакли силами артистов осуществляются исключительно через концертно-театральные организации по безналичному расчету. Не допускается выплата наличных денег по договорам с частными лицами.

Порядок расходования средств профбюджета, предусмотренный настоящим пунктом, не распространяется на концерты, спектакли и киносеансы, устраиваемые в театрах, концертных залах и других государственных зрелищных предприятиях.

2.3. Фабричные, заводские, местные комитеты и культурно-просветительные учреждения профсоюзов за счет средств профсоюзного бюджета могут производить расходы на:

оплату лекций, докладов, консультаций на различные темы, лекций-концертов и других форм устной пропаганды;

Примечание. Если сумма договора свыше 100 рублей, то оплата производится за фактически проведенные мероприятия. Если сумма договора до 100 рублей, то может перечисляться аванс, но не более 25 рублей в квартал. Последующий аванс перечисляется по представлении исполнительных счетов, подтверждающих использование предыдущего аванса.

Стоимость лекции-концерта не должна превышать 70 рублей из расчета оплаты лектора и музыкального оформления (2—3 артиста).

плату за прокат документальных, научно-популярных, художественных кинофильмов, разрешенных для бесплатного показа (плата за прокат художественного кинофильма в размере 20 коп. в день за каждую часть и в размере 10 коп. в день за каждую часть всех остальных кинофильмов);

приобретение средств наглядной агитации: диаграмм, таблиц, плакатов, лозунгов, а также афиш, диапозитивов, слайдов; печатание пригласительных билетов и программ;

приобретение учебных, наглядных пособий и материалов для кружков, плату за прокат костюмов и обуви, реквизита и декораций, текущий ремонт музыкальных инструментов;

изготовление фотоснимков для оформления фотовитрин в культурно-просветительных учреждениях;

Примечание. На цели, указанные в приведенных выше абзацах п. 2.3, могут использоваться средства фонда социально-культурных мероприятий и жилищного строительства.

приобретение цветов, сувениров, призов при проведении тематических вечеров, связанных с чествованием рабочих династий, посвящением в рабочие и другими аналогичными советскими традициями и ритуалами, из расчета до 30 рублей на одно мероприятие, но не более 3 процентов средств, предусмотренных в смете по статье «Культурно-воспитательные мероприятия, работа с детьми, подготовка профактива и профсоюзных кадров», имея в виду, что расходы на эти цели могут производить объединения, предприятия, организации за счет средств поощрительных фондов в соответствии с Основными положениями о порядке их образования и расходования.

2.4. Фабричные, заводские, местные комитеты и культурно-просветительные учреждения профсоюзов за счет средств профсоюзного бюджета могут производить расходы на:

приобретение памятных подарков стоимостью до 10 рублей лучшим участникам художественной самодеятельности — передовикам производства, ведущим большую общественно полезную работу по культурному обслуживанию трудящихся, ветеранам самодеятельной сцены, победителям конкурсов художественной самодеятельности. Расходы на эти цели не должны превышать 0,7 процента от средств, предусмотренных на культурно-воспитательные мероприятия, работу с детьми, подготовку профактива и профсоюзных кадров;

оплату питания участников художественной самодеятельности при направлении их для культурного обслуживания трудящихся по территории области, края, республики (без областного деления) в размере до 1 руб. 50 коп., по территории района — до 1 рубля на человека в день, если по договоренности принимающая сторона не обеспечивает их питанием. Число выездов одного коллектива (с оплатой питания) не должно превышать 3—5 раз в год;

аренду автотранспорта для обслуживания участников художественной самодеятельности в период концертных поездок в пределах утвержденных ассигнований.

2.5. Фабричные, заводские, местные комитеты и культурно-просветительные учреждения профсоюзов могут направлять участников художественной самодеятельности в поездки с концертами в пределах города (района).

Поездки участников художественной самодеятельности по области, краю, республике (без областного деления) осуществляются с разрешения соответствующего областного, краевого, республиканского комитета или совета профсоюзов.

Выезды 3—5 лучших коллективов художественной самодеятельности в год с концертами за пределы области, края, республики производятся по направлениям соответствующих советов профсоюзов.

Поездки участников художественной самодеятельности должны осуществляться в свободное от учебы и работы время (выходные, праздничные дни, время отпуска).

2.6. Фабричные, заводские, местные комитеты и культурно-просветительные учреждения профсоюзов за счет средств профбюджета могут осуществлять подписку на газеты и журналы для служебного пользования и мест общественного чтения, исходя из следующих норм:

Фабричным, заводским и местным комитетам профсоюзов предприятий, учреждений и организаций с числом работающих:

до 500 человек	до 70 рублей
до 2 000 человек	до 110 рублей
до 4 000 человек	до 130 рублей в год

Примечание. Расходы на подписку для ФЗМК с числом работающих на предприятиях свыше 4 000 человек утверждают советы профсоюзов.

культурно-просветительным учреждениям и оздоровительным организациям: клубам, Домам и Дворцам культуры, не имеющим библиотек	до 180 рублей,
читальным залам и библиотекам с фондом:	
до 10 тысяч книг	до 310 рублей
до 25 " "	до 575 рублей
до 50 " "	до 695 рублей в год

Примечание. Расходы на подписку для библиотек с фондом свыше 50 тыс. книг утверждают советы профсоюзов.

детским секторам, клубам юных техников и соответствующим им детским учреждениям	до 60 рублей
пионерским лагерям, работающим: три месяца в год	до 35 рублей
круглый год	до 60 рублей
спортивным и оздоровительным лагерям	до 60 рублей
красным уголкам и общежитиям (каждому)	до 85 рублей

2.7. Фабричные, заводские, местные комитеты и культурно-просветительные учреждения профсоюзов используют в своей работе только опубликованные произведения литературы и искусства, поскольку право заказывать и приобретать у авторов драматические, музыкальные, музыкально-драматические, литературные и другие произведения (в том числе сценарии) профсоюзным органам и подведомственным им учреждениям и организациям не предоставлено и ассигнования на эти цели в профсоюзном бюджете не предусматриваются.

Фабричные, заводские, местные комитеты и культурно-просветительные учреждения профсоюзов при публичном испол-

нении опубликованных драматических, музыкальных, музыкально-драматических и литературных произведений, а также концертных, цирковых и танцевальных программ уплачивают через Всесоюзное агентство по авторским правам авторское вознаграждение и производят отчисления в Литературный и Музыкальный фонды СССР.

Авторское вознаграждение за публичное исполнение указанных произведений выплачивается в соответствии с постановлением Совета Министров РСФСР от 22 апреля 1975 года № 242 «О ставках авторского вознаграждения за публичное исполнение произведений литературы и искусства» и аналогичными постановлениями Советов Министров других союзных республик.

Нормы и порядок отчислений в Литературный и Музыкальный фонды СССР установлены постановлением СНК СССР от 28 июля 1934 года № 1788 «О Литературном фонде Союза ССР» и инструкцией Наркомфина СССР от 19 декабря 1939 года № 814/164 «О порядке уплаты издательствами, редакциями и зрелищными предприятиями отчислений в Литературный фонд Союза ССР», постановлением СНК СССР от 20 сентября 1939 года № 1511 «Об образовании Музыкального фонда СССР» и инструкцией Наркомфина СССР № 142-а и Комитета по делам искусств при СНК СССР № СП—175/3 от 17 марта 1944 года «О порядке уплаты издательствами и зрелищными предприятиями отчислений в Музыкальный фонд Союза ССР».

Примечание. Все необходимые материалы и указания по вопросам уплаты авторского вознаграждения и отчислений в фонды можно получить от Всесоюзного агентства по авторским правам или его уполномоченных.

2.8. Фабричные, заводские, местные комитеты и культурно-просветительные учреждения профсоюзов, выплачивающие заработную плату художникам-оформителям и другим художникам, производят начисления в Художественный фонд СССР.

Размер и порядок начислений в Художественный фонд СССР установлены постановлением СНК СССР от 4 февраля 1940 года № 186 «Об образовании Художественного фонда Союза ССР» и инструкцией Министерства финансов СССР, Министерства культуры СССР и Союза художников СССР № 49 от 20 февраля 1970 года «О порядке уплаты начислений в Художественный фонд СССР».

2.9. Фабричные, заводские, местные комитеты и культурно-просветительные учреждения профсоюзов в пределах фонда заработной платы работников нештатного (несписочного) состава, утвержденного в смете вышестоящим профсоюзным органом, могут:

производить оплату труда руководителей кружков и аккомпаниаторов (концертмейстеров) по часовым ставкам, рассчитанным путем деления месячного должностного оклада на месячную норму рабочего времени в часах;

Примечание. Месячная норма рабочего времени в часах установлена для руководителя кружка 76,8 часа (среднемесячное количество рабочих дней 25,6, умноженное на 3 часа работы в день), для аккомпаниатора-концертмейстера — 102,4 часа (среднемесячное количество рабочих дней 25,6, умноженное на 4 часа работы в день).

После введения новых условий оплаты труда месячная норма рабочего времени в часах установлена для руководителей кружка 76,2 часа (среднемесячное количество рабочих дней 25,4; умноженное на 3 часа работы в день), для аккомпаниаторов — 101,6 часа (среднемесячное количество рабочих дней 25,4, умноженное на 4 часа работы в день).

приглашать, по согласованию с советом профсоюзов, для разовых постановок и оформления спектаклей и концертов в народных самодеятельных коллективах (в драматических и оперных — один раз в два года, в других народных самодеятельных коллективах — не более одного раза в год) штатных работников театров и концертных организаций.

Прием поставленных спектаклей, концертных программ и отдельных номеров должен осуществляться Домом художественной самодеятельности профсоюзов с оформлением протокола художественного совета.

Оплата труда дирижеров и хормейстеров, приглашаемых в разовом порядке в музыкальные народные самодеятельные коллективы для подготовки произведений и концертных программ, производится за фактически отработанное время из расчета установленных им при тарификации должностных окладов.

Размер вознаграждения режиссеров, дирижеров, балетмейстеров, художников за разовые постановки спектаклей, концертных программ и отдельных номеров в других народных самодеятельных коллективах определяется исходя из должностного оклада штатного работника данного народного самодеятельного коллектива и годовых охранных норм постановок, существующих для творческих работников в профессиональных художественных коллективах за аналогичную работу.

Свой человек в Елизаветовке

В. САГАЛОВА,
наш спец. корр.

Валя Рябко, худрук Дома культуры в Елизаветовке, живет в той самой комнате колхозного общежития, где поселилась в первый же день своего приезда в это село. Сначала она делила эту комнату с фельдшером Полиной, потом Полина вышла замуж, родился Максим. Живут они теперь через стенку в той же квартире: общежитие «квартирного типа». Валя с Полиной остались ближайшими подругами. «Полина!» — требовательно и звонко кричит обычно Валя, появляясь на пороге. И если Полина отзывается, сразу становится уютнее и веселее. Валя затеребит ее, закружит Максима, начнет выкладывать новости.

Шесть лет живет Валя в Елизаветовке. За эти годы, по собственным прикидкам, она похудела килограммов на шесть. «Мабуть, сглазили?» — лукаво спросила

ее как-то одна колхозница, помнившая Валу круглолицей и крепенькой, с копной волос. Теперь волосы острижены по моде «сасон», а фигура... Валя критически вздохнула, прочтя о себе в областной молодежной газете трогательное: «Дивчина тонкая, як струнка...»

За последнее время заметки о ней, Вале, появились сразу в нескольких газетах и даже в центральной — с фотографией. И сразу пошли письма. Было среди них одно такое: «Здравствуй, Валя! Пишет тебе совсем незнакомая девчонка. Зовут меня Надя, фамилия Новикова. Я ученица седьмого класса. Я увидела в газете «Сельская жизнь» небольшое фото, где изображена ты и еще несколько девчонок. Дальше небольшое описание. Я подумала, что в вашем колхозе очень хорошо и весело живут люди. Ты напиши

мне о своем колхозе, можно ли к вам переехать. Вообще опиши все. У нас в селе домов шесть, школа за 2 километра, а в кино мы ходим раз в месяц, тоже за 2 километра... Валя, не откажи в моей просьбе, напиши...»

Валя почти наизусть помнит это письмо от Нади из села Роговского Брянской области. Ответила ей подробно: что к ним, в колхоз «Жовтень», со стороны, к сожалению, никого не принимают, но в соседних хозяйствах, она разузнала, устроиться и получить специальность можно. «Пока же можешь приехать ко мне в гости, пожить, комната у меня хорошая, родители рядом, в Екатериновке, я все тебе покажу, и мы пойдем в лес и на плотину...»

Даже на Елизаветовку она теперь смотрела иногда как бы Надиными глазами.

По-новому видела все, к чему давно привыкла. Просторные асфальтированные улицы. Двухэтажные дома. Музыкальная школа. Торговый центр — шутка ли, девять магазинов. Быткомбинат. Площадь перед правлением, клумба с розами, новенькие машины в ряд. Наконец, их Дом культуры, размашисто и прочно разместившись в центре села. Разве каждое село может похвастаться специальной премией ВДНХ за благоустройство? А Elizavetovka может. Разве о каждом снимают фильм, что идет потом целых пять вечеров, в вечер по серии, по областному телевидению? А о Elizavetovke шел. Разве в каждое село так часто приезжают делегации? А Elizavetovku этим давно не удивишь.

«Вот наши поля,— мысленно рассказывает Валя Наде Новиковой и даже видит ее круглые, восхищенные глаза.— Тут огурцы, тут пшеница. И там за горизонтом тоже все наше. Далеко. Вот молочный комплекс. Доярки теперь только включают электродойку, понимаешь, и молоко во-он по трубам идет в те огромные фляги. А это теплицы. А это наша техническая станция — мы тут праздник первой борозды проводили, в четыре утра, когда трактористы в поле выезжают...»

«Я подумала, что в вашем колхозе очень хорошо и весело живут люди», — написала Надя Новикова. Валя смотрит на крепкие просторные дома, густые сады, ворота для машин — не счастье, сколько их, а желающих купить становится все больше. А как одеваются девочки на танцы — в городе такое не всегда увидишь. В голову лезет и другое, некстати. Как вчера Полина рассказала о драке в магазине... Или почему Наташка-агроном, третья соседка, приходит иногда домой такая злая и уставшая с поля? И еще. Почему у них в колхозе пьют, даже молодые?..

Но в ответе Наде она не пишет об этих сомнениях:

«Действительно, люди у нас живут очень хорошо и весело. Проводится много различных мероприятий, работают десять кружков самодеятельности, агитбригада. Кино идет ежедневно, а дважды в неделю танцы под вокально-инструментальный ансамбль».

Десять кружков — десятая часть села в самодеятельности! — и множество мероприятий: и праздник первой борозды, и торжественные обряды — от свадьбы до проводов на пенсию, и концерты при переполненном зале (пустых мест она болезненно не переносит, считая их прямым укором лично себе), и «когоньки», и бесчисленные вечера отдыха с играми и призами, и традиционные новогодние карнавалы — во всем этом есть ее, Вали, вклад и, что скромничать, немалый. Потому и корреспонденты зачастили к ней — в нынешнем году Валя стала лауреатом премии Ленинского комсомола.

Она знала о том, что кое-кто в районе поговаривает примерно так: легко, мол, работать в Elizavetovke, хозяйство на завысь, сильное, богатое, правление и сельсовет всегда идут навстречу, ни с костюмами, ни с транспортом, ни с инструментами нет проблем. Да директор Дома культуры — опытный, авторитет-

ный, за таким, как за каменной стеной. Везучая эта Рябка.

«Везучая!» — с вызовом думала про себя Валя. Она лучше других знала цену этой везучести.

На последнем курсе культпросветучилища сама приехала в Elizavetovku — слышала, что должен открыться новый Дом культуры, нынешний, попросила: «Возьмите на работу». Не ждала распределения, сама выбрала себе место, где жить и трудиться. Кончила на пятерки — предлагали поступать в институт на дневное, могла остаться в городе, но без колебаний решила: только село, институт заочно. Был, конечно, и простой расчет: в семье подрастали брат с сестрой, родители должны были ставить их на ноги, пора было ей самой зарабатывать. Но еще было желание практики, дела, самостоятельности, хотелось попробовать и показать, чему она научилась и на что способна.

Когда начала работать, не было десяти кружков. Да и одного не было. 4 сентября она вышла на работу, а через неделю, одиннадцатого, начались репетиции первого коллектива. Хореографического. У нее от страха в глазах темнело: как раз хореографии она не обучалась, но девочки-школьницы в один голос просили «танцевальный». И уже через месяц — первый концерт к отчетному собранию колхозников и первый успех! Не было никаких костюмов, девочки сами шили, трясли родительские сундуки и гардеробы. Но выступили перед селом, заявили о себе.

«Стопроцентно ее заслуга!» — директор Дома культуры Николай Иванович Страшко говорит это с нажимом, словно споря с невидимым оппонентом, который решается усомниться в справедливости Валиной награды. «Стопроцентно!» — и свирепо нахлещивает поглубже белую фуражку от солнца за якорем на козырьке, в которой он смахивает то ли на лихого капитана, то ли на Остапа Бендера. Валя давно уже различила за мрачноватым видом Николая Ивановича, за его грохочущим голосом и привычным ворчаньем доброту, щедрость и полную поглощенность клубными делами. С шести утра он на ногах, непременно сходит в правление «на наряд» — договориться о транспорте, если требуется, узнать, что нового на участках. А потом будет мрачно и озабоченно снова по клубу, и все в результате получится точно, аккуратно и в срок. Появляется у нее, на пороге общедожития, в руках банка жирного колхозного молока, которое самой Вале недосуг выписать: «Пей!»

Давно и произвольно произошло между ними «разделение труда»: Николаю Ивановичу вопросы хозяйственные, технические, снабженческие, Вале — творческие, организаторские. Валя фантазирует, Николай Иванович, ворча, переводит ее фантазию на язык сметы и прочей прозы. Валя задумывает праздник песни («На сцене выстроить сто пятьдесят человек, в несколько рядов, по голосам»), Николай Иванович обеспечивает громоздкое и сложное устройство всего этого мероприятия, которое потом целый год вспоминать будут и в колхозе и в районе: вот это да! Николаю Ивановичу под Новый год доставать, устанав-

ливать, украшать елку, оформлять зал и фойе до изнеможения, чтобы вечером тридцать первого, потирая руки, подшучивать над очумелой Валей: «Пришел твой час». И Валя, неременная королева бала, ведущая и хозяйка традиционных карнавалов, так выкладывается в этот для всех праздничный, а для нее самой что ни на есть рабочий «час», что подряд шесть лет 31 декабря с последним звуком курантов падает и засыпает как мертвая — еле ноги донесла до кровати...

В кабинете Николая Ивановича устроила методический кабинет — и он, кряхтя шутило, подчинился: «Наука выживает». Теперь здесь подшивки, брошюры, аккуратные папки с материалами — все в симметрии и порядке.

Третий член их маленького штата — музыкальный работник Григорий Андреевич Панасенко. Эту ставку оплачивает колхоз — Дому культуры она не положена. Толковый, грамотный работник Григорий Андреевич, и втроем все они срабатывались, притерлись. Валя в треугольнике, конечно, — центр, заводила, двигатель, двое других — больше исполнители, но не равнодушные, а понимающие, чувствующие ее и знающие свое дело.

Спроси Вали о секретах ее «везения» — ответит без лишней дипломатии. Поработайте с мое, похудейте с мое, проштудируйте с мое всю ту литературу, что лежит в кабинете, исчерканная карандашом, — так что с закрытыми глазами найду, если понадобится, нужную страницу... Недоспите с мое! Смешно сказать — привыкла засыпать, оставляя рядом на стуле открытый блокнот с ручкой наготове, вдруг во сне осянет. И случилось, что осеняло. Вскакивала, «как пехух», по собственному выражению, глаза закрыты, белокурые волосы всклопаны, хваталась за этот блокнот — записать, пока не забылось. Так вот, «во сне» пришла к ней та маленькая находка, что стала изюминкой вечера-чествования двух колхозных передовиков — доярки и полевода: чтобы в конце вечера героини обменялись «продуктами» своего труда. Кринку молока и ржаной каравай потом передали в зал, и руки тянулись, и люди ломали хлеб и пробовали молоко, будто заново ощущая вкус...

Нет, слова худого не обронит о колхозном руководстве — поддержат, помогут. Костюмов сшили, наверное, тысяч на десять, а в планах — заказать уже новые. В хоре «Ланка» у нее подобралась женщины немолодые, загруженные, и все не елизаветовские, а из Романовки и Ильинки, тоже входящих в колхоз. Два километра в одну сторону пройдут, а обратно-то уж тяжело вечером. Развозят по домам на автобусе — спасибо колхозу. И поощряют участников самодеятельности, если есть возможность. Всем ее «пенсионерам» из фольклорного ансамбля выписали муки и подсолнечного масла — спасибо колхозу.

Только и с самым сознательным руководством разве проживешь без проблем? Охрипнешь, доказывая, что не нужен обычный доклад и «торжественная часть» на праздничном вечере, если у нее, Вали, уже подготовлена тематическая программа, где все то же сказано — только образнее, живее. Как это

без доклада? Не положено... Прямо революция целая. Как это после отчетного колхозного собрания пойдет спектакль «Соперницы»? Несolidно как-то. «Да это из колхозной жизни!»—«Все равно, несolidно». А потом ладони отобьют на этих «Соперницах». Праздник Ивана Купалы? На реке, с кострами, венками? А нет ли тут этого... налета... Переругается, обольются, но будут и венки, и плоты, и костры до ночи.

«Огонек» для шоферов — ох и трудная категория, все по разным участкам. Подготовили программу, игры, викторины с призами — кто больше знает марок машин, кто лучше разбирается в устройстве автомобиля. Но программа программой, а перед проведением потребовала категорически: пусть работает буфет и продается пиво! Пиво? Не положено. Ах, значит, лучше будет, если они у меня начнут в гастроном за угол «огонька» бегать? Переспорила, доказала, стояло на столах пиво, и всем было весело и просто. Шоферы—семьдесят человек!—явились все разом, в белых рубашках, от смущения не знали, что делать, а на другой день сигналили ей перед клубом: «Алексеевна! Побольше таких вечеров нам устраивай!»

Автобусы, и костюмы, и грамоты, и внимание — все важно. Но это потом. А

сначала — надевала ранней весной сапоги и шла на край села, искала старух, что помнят и поют старинные песни. Возвращалась уставшая, под выразительным Полинным взглядом молча меняла собственные промокшие сапоги на ее сухие и шла на другой конец, к другим старухам. И с каждой чайку попей, и о внуках послушай, и заботам посочувствуй. Три года назад возникла у нее эта идея создать фольклорный ансамбль, о котором теперь и в области знают, и в районе он единственный. Так и было ею задумано — сделаю то, чего нет в районе ни у кого! Ломала голову — и отозвалось собственное детство, Екатериновка, бабушка Харитина, которую она, Валя, любила часами слушать.

Сколько вышло сладкой и увлекательной мороки с этим ансамблем, с четырнадцатью старухами и стариками, простодушными и робкими, словно дети! На сцену соглашались выйти, только чтобы она, «Алексеевна», лично их вывела за руку. Терялись от того, что надо кланяться и пережидать аплодисменты. Давала им «домашнее задание»: записать все песни, какие помнят. Приходили с тетрадками, исписанными крупными смешными почерками, и какие же чудные песни были в тех тетрадках. А как нетерпеливо ждало село их первого вы-

ступления, сколько народу набилось в зал, как восторженно их принимали. И осмелев, одна из бабушек даже пустилась в кокетливый перепляс, махнув платочком...

Десять кружков Валя создала, пять лично ведет как художественный руководитель, но два ей особенно дороги, особенно любимы — агитбригада (там ее сверстники, молодежь) и этот вот, фольклорный, ее детище.

...Неделю живу рядом с Валею Рябко и наблюдаю за ней. Вот после наших разговоров она берется за книгу и надолго замолкает. Читает она дисциплинированно по программе (учится на третьем курсе Харьковского института культуры), и сейчас на очереди Голсуорси — «тяжеловато идет». Вот она возится с двухлетним Максимом, готовая раздарить ему все, что тот ни попросит. Вот придирчиво разглядывает свои платья — привыкла выходить на улицу не просто обдуманно одетой, а нарядной: «Это тоже имеет значение».

Я приезжаю летом, в Доме культуры почти «мертвый сезон», зато в колхозе страда. И за два дня агитбригада успевает выступить на пяти участках. Возвращаемся в маленьком автобусе с одного из выступлений перед овощеводами,

принимали хорошо, просили: «Ще трошки!». Валя горячо обещала приехать скоро с новой программой. Сидит довольная и румяная, прижимает пакет с подаренными огурцами.

Вот она на репетиции — на следующий день готовит маленькую сцену, с которой и хочет выступить, как обещала, перед теми колхозниками из овощеводческой бригады. В сценке участвуют практикантки культпросветучилища — их четверо на практике, и все четверо ловят каждое Валино слово. Такая удача — практика в Елизаветовке! Сцена простенькая, но она совсем не получается. Такими непонятливыми и медлительными кажутся мне актрисы-практикантки, двигаются неуклюже, реплики забывают. Валя же терпелива, увлечена — и, похоже, без усилия и напряжения. Не выдержав, выхожу из зала, где идет репетиция. А когда возвращаюсь через два часа, не верю своим глазам: те же девчонки играют легко, весело, без единой запинки...

Вот она входит на танцы — и моментально оказывается в центре то одного, то другого молодежного кружка. Какая-то девушка дает ей цветок. Юная пара что-то горячо с ней обсуждает.

«Это надо заслужить», — сказала она мне как-то с откровенной гордостью, — чтобы называли меня по имени-отчеству». И я разделяю эту ее гордость и понимаю: авторитет, уважение и симпатию, да, пожалуй, и любовь, которыми она, чувствуется, пользуется в селе, заслужить не просто и можно только трудом.

Вот распаивает дверь в директорский кабинет, он же методический, с ворохом свежих газет и журналов. Начинает раскладывать и, зачитавшись чем-то, откровенно прилипает к стулу. Очки забыла дома, близоруко наклоняется к самой странице. Вдруг выпрямляется с торжеством: «Николай Иванович! — это директору, пристроившемуся рядом в кресле. — Да брось ты свой «Перец»! Гляди, гляди-ка что пишут».

И торопясь и волнуясь, с выступившими яркими пятнами на щеках, начинает читать вслух: «...Откуда это засилье шаблона в клубе? Одна из причин видится в том, что работать так привыкли, быстрее. А быстрота — это количество, которое пока еще чуть ли не самый главный критерий, определяющий продуктивность работы культпросветчика...»

«Сегодня же пишу отклик в редакцию! — кричит Валя. — Это же все про нас!...» — «Крепко», — басит Николай Иванович, снова принимаясь за «Перец».

Вот она ведет меня к одной из участниц фольклорного ансамбля, Евдокии Федоровне Страшко, «бабке Страшихе».

Увидев Валу, та сияет: «То ж у нас золотая дивчина! Помню, как она в такой дождь ко мне пришла». Живет Евдокия Федоровна одиноко, зато в свое время она вырастила четверых младших сестер и каждую «выдала замуж». Отец и мать ее умерли перед войной, сама она была в колхозе первой трактористкой, сейчас получает пенсию, имеет немалый огород да десяток кур. Песен она нам не поет — «не в голосе», зато о себе рассказывает охотно. Выходим со двора, и Валя задумчиво говорит: «Я ведь этого о ней

совсем не знала... Что сестер вырастила и что трактористкой...»

Неделю я наблюдала за Валей и думаю о ней, и там, в Елизаветовке, и сейчас, вернувшись в Москву. Что за характер перед нами, что за судьба, так уверенно и напористо начинающаяся?

Природа наделила эту девушку несомненно щедро: красива, способна, жадна до дела. Энергии и азарта через край — так что при всей загруженности успевает еще составить кроссворд для молодежной газеты, и кроссворд, как весьма оригинальный, печатают и просят присылать еще.

Прирожденный организатор и массовик, и сама подтверждает: «Массовые мероприятия — самое любимое, самое эффективное». Эффекты любит и имеет к ним вкус. Увлеченно рассказывала: собирается осенью подготовить вечер-портрет, такой, «какого еще не было в районе» — с использованием технических средств, эпидиаскопа, слайдов. Все ахнут! Только вот не подумала даже еще, чей портрет это будет, какого человека? Знатного механизатора? Передовой доярки? А может быть, незаметной бабки Страшки, чью судьбу она, Валя, по-новому откроет селу? Вот что хочется мне понять: что за массовостью и за эффектами она сама видит?

Вчитываюсь в сценарии, которые она хранит в аккуратных папочках, — здесь немало ее собственных. Есть находки, вроде того хлеба с молоком, но и россыпи шаблонных приемов, казенных слов, которые произносились и ею, и другими — по ее указаниям — со сцены.

Какая разница, что, создавая фольклорный ансамбль, Валя в первую очередь думала о том, чтобы «ничего похожего не было в районе»? Ансамбль-то создан, живет! Какая разница, что, задумывая вечер-портрет, она хочет, чтобы все «ахнули»? Есть разница — ибо сейчас мы размышляем о самой Вале, и тут принципиально важно, какие стимулы, какие внутренние побуждения ею движут. Придет день, когда естественных честолюбия и стремления к самоутверждению окажется недостаточно, чтобы питать повседневное творчество.

— Сейчас в моей жизни самое трудное время, — говорит Валя. — Премия Ленинского комсомола — это, конечно, признание, это счастье. Но что дальше? Что завтра? Понятно, что хуже работать нельзя. А как лучше? Так же теперь уже нельзя. А как по-другому? Еще один вечер отдыха, но более пышный и размахистый? Еще один портрет, с техническими и световыми эффектами?

Это зависит от нее самой в огромной степени: что завтра? Но далеко не только от нее самой.

Так и представляю, как, читая эти строки, она сердито закусывает губу, хмурится: «В сценариях — шаблон, стихи — трескучие и пустые, нужны творчество, поиск! Разве не при вас читала я ту статью — «откуда засилье шаблона в клубе»?

И она права. Везучая Валя Рябко — повторяю еще раз. Сильное хозяйство, богатый Дом культуры, сняты многие, мучающие других ее коллег, проблемы. И сама Валя еще не обременена семьей и хозяйством, что весьма существенно. Но

в этой «кочищенной» ситуации тем более наглядно выступают проблемы общие и «не снятые». А именно: даже самый удачливый, даже самый настойчивый, как Валя, сельский клубный работник поставлен в такие условия, что требовать от него творчества, роста и постоянного обновления бывает просто трудно. Такой поток обязательных заданий и мероприятий обрушивается на него, такое обилие бумаг и указаний, что творчество и глубинный интерес к окружающей жизни и к людям отодвигаются безнадежно далеко, а реальностью становится текущая, «поденка». Сами посудите: в год сельскому Дому культуры планируется больше ста только массовых мероприятий разного рода. Это не считая лекций, концертов, репетиций, а Валя, как уже сказано, лично ведет пять коллективов.

Перед отъездом из Донецка я зашла в областное управление культуры и в фойе увидела стенд с намеченными показателями на год. Только цифры завершали каждую строку на этом стенде — цифры как критерий всех успехов и усилий. И такие тревожно высокие цифры, которые невольно заставляли подумать, что достигаться они будут неизбежно в ущерб качеству. Погоня за количеством, которая настигает любого Валиного коллегу — и ее тоже, разумеется, — и заставляет выбирать шаблонный прием, стертое слово, тиражировать примелькавшееся мероприятие.

Не хватает времени думать, читать серьезное, смотреть, слушать, спорить.

Не забудем: наша «Алексеевна» еще очень молода — ей только двадцать четыре года. Ей еще и самой одолевать и одолевать культуру, выковывать и выковывать из себя интеллигента-просветителя. И вопрос ее будущего — это и вопрос среды вокруг нее, и вопрос вдумчивого руководства ее деятельностью. Именно сейчас ей, как воздух, необходимы духовные и нравственные толчки, впечатления, открытия, новые человеческие контакты и чисто профессиональная помощь. Я подумала, как драгоценна была бы для нее хотя бы небольшая стажировка в интересном творческом коллективе или длительная поездка в столичный город — в театры, библиотеки, музеи, в среду людей, которые обогатят, расширят кругозор. И пожалела, что даже присуждение такой высокой награды, как премия Ленинского комсомола, не предполагает подобных продолжений.

Что завтра? Твердо знаю главное: это «завтра» Вали Рябко связано с Елизаветовкой. Но что же она даст ей завтра? Больше ли, как этого ей хочется, чем сегодня? Посягнет ли на шаблоны своего ремесла, станет ли больше верить в себя? Обретет ли большие силы, знания, большую культуру, без «поправки» на село?

Человек достиг признания — и остановился, задумался, и радость смешалась с тревогой. Счастливым и важным миг. Главное Валя Рябко решит сама. Но знакомство с ней заново заставляет почувствовать и общую нашу ответственность за судьбу того самого практика сельско-го «культурного фронта», о важности которого мы не устаем твердить.

Донецкая область,
Марьинский район

«ПОМОГИТЕ ГОСТЯМ УЛЫБНУТЬСЯ...»

С. ВОЛИН,
журналист

Собирая материал для этих заметок о молодежных вечерах отдыха, заполняя блокнот фактами, интервью и фрагментами сценариев, я искал ответы на простые, в сущности, вопросы: что делает молодежный вечер увлекательным и умным, веселым и запоминающимся? Как организуется на таких вечерах общение, как создается их «микроклимат»? Нако-

нец, что это вообще такое — современный молодежный вечер отдыха?

Начну с последнего вопроса. Его я задал режиссеру киностудии «Азербайджанфильм», а в недавнем прошлом — известному телезрителям бессменному капитану бакинской команды КВН Ю. Гусману.

— По-моему, современные вечера от-

дыха молодежи выкристаллизовывались из молодежных кафе, «огоньков», КВН в совершенно новый, синтетический жанр, органично вобравший в себя элементы эстрады, кино, ревью, музыки, «живой газеты», соревнования, капустника... Это особенно явственно видно на примере такой новой, приобретающей сегодня широкую популярность формы

16 молодежного досуга, как дискотека. Чего только не включает в себя «дискотечный» молодежный вечер: концерт, театр, кино, оперу, балет, пантомиму, слайд-фильм, цветомузыку, хореографию, конкурс, лекцию... Форм молодежных вечеров отдыха десятки — как старых, проверенных временем, так и совсем новых, еще не успевших устояться. В каждом конкретном случае нужно искать оптимальную именно для этого вечера. Но в любом варианте нельзя нарушать определенных правил.

— Каких именно?

— Первое и главное: вечер, даже танцевальный, не может быть просто вечером. Необходима четкая тема — своего рода стержень, на который и нужно «нанизывать» все звенья программы. Второе: считайте вечер неудавшимся, если его гости не открыли на нем что-то новое для себя. Третье: молодежный вечер отдыха — всегда веселый вечер. И четвертое: не имеют права на существование «проходные» вечера, каждый нужно готовить по самому высокому счету, с полной отдачей — так, как готовишь торжественный праздник в собственном доме.

Итак, в плане вашего клуба или Дома культуры — вечер отдыха молодежи. Какую форму выбрать для него на сей раз?

— Почему бы и не возродить КВН? — сказали мне во Дворце студентов Харьковского политехнического института имени В. И. Ленина. — Успех будет обес-

печен на сто процентов. Сошлемся на собственный опыт: недавний «матч» между командами веселых и находчивых нашего института и его сумского филиала собрал столько людей, что огромный зал не вместил и половины желающих, пришлось транслировать встречу по местной радиосети.

Несколько слов об этом вечере. КВН в политехническом институте был посвящен XI Всемирному фестивалю молодежи и студентов в Гаване. И актуальность темы, помноженная на правильный выбор формы, оригинальность конкурсов и остроумие их участников дали великолепный эффект: за четыре с лишним часа, которые продолжался вечер, из зала не ушел ни один человек...

— А мы бы порекомендовали устроить киновечер, — не задумываясь, заявили мне в харьковском Дворце культуры строителей имени М. Горького. — Вот где простор для фантазии! На таком вечере всегда можно обыграть любую тему, провести интереснейшие конкурсы, дать пищу для горячих споров, узнать о новинках экрана и вспомнить давно забытые ленты. Для этого пригодны и киноконкурс, и кинолотерея, и карнавал киногероев, и конкурс знатоков кино.

Думаю, что на подобный совет в этом Дворце имеют полное право. Однажды здесь был устроен грандиозный праздник, посвященный кинематографу — «Иллюзион-75». Действующими лицами праздника стали изобретатели кино —

братья Люмьер, в фойе гостей встречали герои Диснея, конкурс «Музыка в кинематографе» проводили герои популярных фильмов. До сих пор об этом празднике харьковчане вспоминают с удовольствием. Только вот уже три года минуло после него, а где же желанное продолжение?

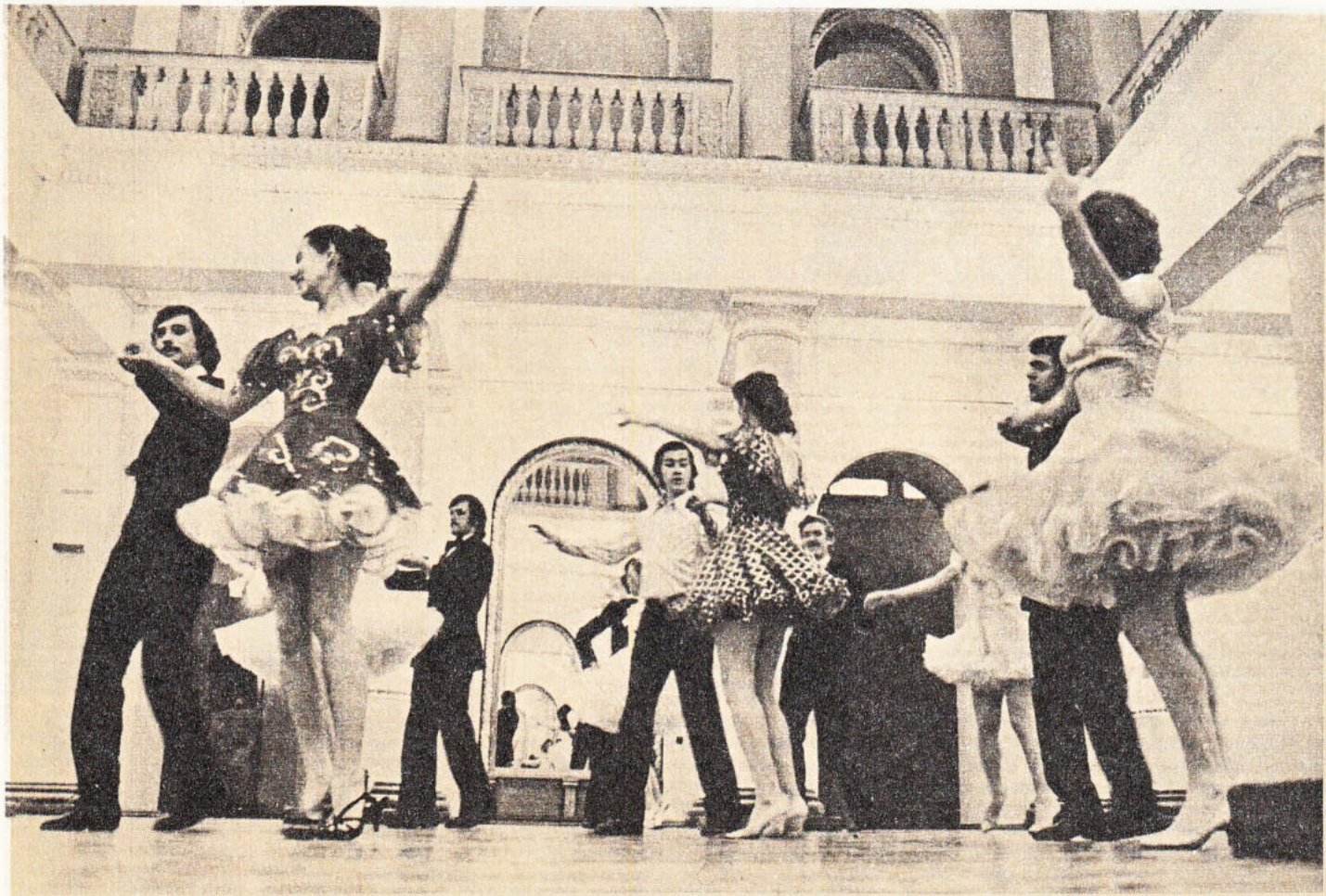
Здесь же, во Дворце строителей, вошла в традицию ежегодная первоапрельская «Юморина» — вечер-концерт, билет на который достать труднее, чем на премьеру сверхостросюжетного детективного фильма...

— Значат ли все эти примеры, что практически любая форма вечера может обеспечить его успех? — спросил я у Гусмана.

— Если она выбрана к месту — то несомненно. Точно так же, впрочем, как и то, что эти же формы могут обречь вечер на провал и заодно дискредитировать себя. Я видел много КВНов, проходивших скучно, но я видел и не меньше «огоньков», проходивших с блеском. И наоборот. Дело не в форме, а в том, как она используется. Как известно, нет плохих ролей, есть плохие актеры.

— Но вот форма вечера выбрана, сценарий написан. Каким должен быть следующий шаг?

— Этот шаг всецело принадлежит художнику. Оформить рекламу, создать необходимый для вечера интерьер помещения — задача не легче, чем написать сценарий.

... Как правило, наша первая встреча с вечером происходит в тот момент, когда мы берем в руки пригласительный билет на него.

Первая встреча — первое впечатление.

Передо мной на столе — целая коллекция пригласительных билетов. Ярких и бесцветных. Больших — в тетрадный лист и — непонятно для чего — архиминиатюрных, размером с почтовую марку. Сверкающих глянец и напечатанных на серой оберточной бумаге.

Этот билет беру в руки с удовольствием: приглашение на бал «Золотая осень» выполнено в форме кленового листа, и на его золотистой поверхности — четкий текст: «На нашем балу — Концерты! Игры! Танцы! Конкурсы! Лотереи! Сюрпризы! Сюрпризы! Сюрпризы!...»

На балу «Золотая осень», который прошел в харьковском Дворце культуры строителей, мы и побываем сегодня. Но прежде — еще немножко об оформлении.

Иногда самых простых, общедоступных средств хватает, чтобы оформление стало оригинальным и выразительным.

Несколько примеров.

В том же Дворце культуры строителей зал дискотеки отделан красочными конвертами от пластинок, причем конверты подобраны по теме, соответствующей программе данного вечера. Сопровождает вечера сделанная собственными руками установка цветомузыки.

Во Дворце студентов Харьковского по-

литехнического института вечер встречи с артистами городских театров оформили, оклеив задник сцены и стены фойе афишами спектаклей театра, специально отпечатанных для вечера в огромных размерах, а программу вечера стилизовали под программу спектакля.

Готовясь к осеннему балу, художники Дворца культуры производственного объединения «ХЭМЗ» задрапировали все помещение гигантскими панно из золотых и багряных осенних листьев...

Простое, но со вкусом, любовью и выдумкой выполненное оформление в значительной степени обеспечит удачу вечера, с самого порога создав у гостей праздничное настроение.

— Так оно обычно и бывает на практике, — замечает Юлий Гусман. — Давно и безвозвратно прошли те времена, когда достаточно было намалевать на фанерных щитах аршинными буквами призы типа «Собираясь отдохнуть, шутку дома не забудь!» или «Привет участникам маскарада!». Сегодня реклама должна привлекать, информировать, интриговать.

Хочу привести доказательство того, что найти новое, нестандартное решение даже в очень сложном случае всегда реально.

Как-то в Баку мы проводили вечер, посвященный Аэрофлоту. И вот что придумали: вход в зал, где проходил праздник, превратили в... комнату «таможенного досмотра». Все входящие в зал обя-

заны были предъявить «таможеннику» остроумную шутку, ответить смешной репликой и т. д. Только после этого зажигалась лампочка, свидетельствующая об окончании «досмотра», и от пригласительного билета, скопированного с билета Аэрофлота, отрывали «багажную квитанцию». Соответствующим образом подготовили и зал, для чего к креслам прикрепили настоящие привязные ремни, как в самолете...

И когда я слышу от организаторов вечера: «А что можно нового придумать?», то всегда отвечаю: «Многое можно, безгранично многое...»

Но, впрочем, довольно об оформлении. Ведь бал «Золотая осень» в харьковском Дворце культуры строителей, на который я обещал пригласить читателя, уже начинается.

Давайте войдем в фойе и несколько минут постоим там, наблюдая за гостями.

Вот они, сбросив в гардеробной плащи, проходят мимо нас.

Девушки в «мини», «миди», «макси». В лакированных туфлях и высоких сапогах. Парни в джинсовых костюмах, в белых и разноцветных рубашках, в темных и светлых, расстегнутых и застегнутых пиджаках, в куртках и шарфах, в галстуках-бабочках и без галстуков вообще...

Невольно вспоминаю слова памяти, выпущенной клубом совхоза имени XXV

съезда КПСС, Екабпилского района, Латвийской ССР. В этой памятке, адресованной гостям клуба, среди прочих рекомендаций («Благодарность оркестру выражать только аплодисментами», «Пачку печенья лучше съесть в буфете, чем в зале» и т. д.) было и такое правило: «Посетители в неаккуратной одежде, вязаных джемперах, джинсовых костюмах и уличной обуви на вечера танцев не допускаются».

Ю. Гусман.

— Если текст памятки продиктован лишь административным рвением ее составителей, то все их рекомендации и задания останутся только на бумаге, а клуб просто-напросто лишится значительной части своих посетителей. Но если на вечерах работники клуба сумеют в тактичной форме объяснить, как нужно одеваться на праздник и почему джинсы не лучший туалет для бала, если они наглядно докажут это собственным внешним видом, если, наконец, на сцене этого же клуба модельеры покажут образцы новой, красивой и модной одежды, то, думаю, в самом скором времени необходимость в запретах отпадет, и юноши в строгих костюмах будут приглашать на вальс девушек в изящных вечерних платьях...

А во Дворце культуры строителей все готово к открытию бала, остаются считанные минуты, и поэтому гости спешат. Наверное, именно из-за этой спешки далеко не все юноши помогают девушкам снять пальто и плащи, а некоторые, не найдя рядом урны, бросают окурки прямо на пол. И сразу слышат спокойное замечание ведущего бала Владимира Святоша: «Дорогие друзья, не нужно волноваться, бал без вас не начнут. Но не будем забывать об этикете...»

Об этикете скажем особо.

Именно так — «Этикет для всех нас» — и назывался конкурсный вечер, проведенный однажды во Дворце студентов Харьковского политехнического.

Собственно, это был обычный танцевальный вечер, а конкурс заключался в том, чтобы гость, ведя себя в строгом соответствии с правилами хорошего тона, набрал как можно меньше штрафных очков. Если ты не помог девушке снять пальто — три очка штрафа вписываются в твою карточку участника; если закурил в фойе — пять очков; не проводил после танца партнершу на ее место — десять. А уж если в буфете распорядитель вечера заметил, что бутылку с водой ты открываешь об угол стола, то с участием в конкурсе можно вообще распрощаться.

— А уже на следующем вечере мы увидели, — сказала мне заместитель директора Дворца Л. А. Гурина, — что большинство участников «Этикета для всех нас» стало выполнять все правила столь же охотно, как и на конкурсе. Думаем вечер повторить...

Но вернемся к балу.

Мы уже говорили, что каждый вечер отдыха, каждый праздник должен иметь свою тему, свою сюжетную линию.

Балы не исключение. Во Дворце мне назвали: бал цветов, весенний бал, новогодний костюмированный бал-маскарад, бал выпускников...

В Доме культуры совхоза «Пархомовский», Краснокутского района, Харьковской области, проводят субботние балы «Станьте в круг!», на которых все присутствующие разучивают позабытые народные массовые песни и танцы.

Во Дворце студентов, который в этом материале упоминался уже не раз, вошли в традицию интернациональные балы дружбы, и на них студенты из Африки с азартом пляшут «барыню», а харьковчане поражают молодых кубинцев своим умением танцевать огневую самбу.

Во Дворце культуры производственного объединения «Химволокно» города Энгельса Саратовской области джаз-клуб «Граммфон» совместно с клубом любителей бальных танцев систематически устраивает особые балы, посвященные вальсу или танго, мазурке или фокстроту... Такие балы одного танца приносят свои плоды: нигде и ни разу я не видел, чтобы масса молодых людей танцевала так красиво...

А наш сегодняшний бал называется «Золотая осень», в руках у каждой девушки, входящей в зал, букет из осенних пылающих листьев и тяжелых гроздьев рябины, и зал постепенно превращается в роскошный осенний сад.

Сегодня предстоят торжественные выборы королевы бала и ее фрейлин. Претенденткам на эти титулы нужно продемонстрировать остроумие, умение одеваться и выбирать прическу, петь и танцевать. Еще одно задание для будущей королевы: рассмешить и «расшевелить» самого скучного гостя и станцевать с ним фокстрот.

Сегодня всем участникам бала предстоит поздравить молодую пару — ее пригласили отпраздновать свадьбу на этом балу, и вальс «Амурские волны», который уже заиграл оркестр, — для молодых.

Начало положено. Что теперь?

Совет Юлия Гусмана.

— Теперь необходимо в первую очередь «активизировать» гостей — всех и каждого. Лучший способ для этого, какой я знаю, умный, захватывающий, веселый конкурс. Проводя конкурс, ведущий обязан помнить: не нужно, чтобы участники его отвечали на вопросы, подобные такому: «Какой писатель написал три романа на букву «О»?», доказывая тем самым свою интеллектуальную полноценность. Цель конкурса — не разделять зал на эрудитов и неэрудитов, а помочь гостям улыбнуться, сосрмить, снять напряжение рабочего дня. И еще: конкурсы следует выбирать соответственно типу вечера. Так, нелепо заставлять юношей в отглаженных брюках и девушек в бальных платьях бегать в мешках или, скажем, переносить на голове стаканы с водой...

«Помогите гостям улыбнуться...» И Владимир Святош читает короткие — в несколько строк — рассказы, предлагая последнюю их строчку «дописать» гостям.

Другой конкурс: передвигая по листу ватмана смешные бумажные фигурки, нужно «создать картину» с заданной темой...

Но вот гости уже «активизированы», настроение у всех отличное. Становится ли от этого легче работа ведущего? Нет и еще раз нет.

Святош постепенно превращает бал в настоящий спектакль, где сам исполняет одновременно обязанности режиссера и главную роль, а гостей привлекает в качестве партнеров.

Номера этого спектакля: танец, песня, стихотворение, реприза... Номера-импровизации сменяются номерами художественной самодеятельности Дворца — лучшими из ее репертуара.

И все эпизоды вечера Святош легко и изящно связывает в единую цепь, непринужденно переходя от конкурса к песне, от песни — к танцу. Его экспромты рождаются моментально, но выглядят они столь четкими и продуманными, что кажется, будто их заранее написали в сценарий.

— Считаю, что экспромт на подобном вечере — понятие относительное, — заметил Ю. Гусман. — КВН научил нас бесценной истине: экспромты нужно репетировать! Да, да, именно репетировать. Ведущий должен держать в голове сотни заготовок остроумия, реплик, пародий, комментариев и по ходу действия выбирать из всех заготовок наиболее подходящую, за секунды шлифуя ее и придавая ей форму, требуемую сложившейся ситуацией. Полагаться же на одну только находчивость слишком рискованно.

А в зале играет оркестр, и кружатся, кружатся в танце пары.

Но что делать тем, кто не хочет больше танцевать?

Об этом организаторы вечера тоже подумали, приколол к дверям комнат Дворца таблички: «Салон игр», «Салон поэзии», «Салон цветов», «Салон искусств»...

Вспомним одно из называвшихся выше условий успеха: «считайте вечер неудавшимся, если его гости не открыли на нем что-то новое для себя». И вот в поэтическое салоне можно полистать поэтические новинки, в салоне искусств — увидеть последние картины молодых художников города, а в салоне цветов — познакомиться с классической японской икебаной, попробовать самому составить букет по древним законам...

Не забыты и обещанные сюрпризы.

В самый разгар веселья на сцену поднимаются строители в рабочих комбинезонах и вручают нескольким участникам бала — «очередникам» — ордера на квартиры в новом доме.

Еще через час под звуки торжественного марша хлеборобы области вносят в зал невообразимых размеров каравай, испеченный из зерна нового урожая. Каждому из гостей достается по ломтю душистого, теплого хлеба.

За полночь окончился бал. Пламенели в вазах яркие осенние букеты, свисали с люстр ленты серпантина, и прощальными аккордами музыканты провожали гостей.

Перед началом бала я приготовил вопрос для его участников. Я хотел спросить их, не жалеют ли они о потраченном времени. Но задавать этот вопрос не имело смысла.

По тому, как медленно пустел зал, как неохотно покидали Дворец гости, было видно, что вечер показался им слишком коротким и что организаторов праздник можно поздравить с удачей.

МУДРОСТЬ ЭТИКЕТА

Т. ПЕСОЦКАЯ,
журналистка

ЗНАНИЕ НАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ЗАКРЫТЫЙ 9 1977

ЕСЛИ МЫ ВЕЖЛИВЫ...

В. М. Матвеев
А. Н. Панов

Матвеев В. М., Панов А. Н. Если мы вежливы... Заметки об этикете. М., «Знание», 1977

Привычка машинально говорить «спасибо» и «пожалуйста» еще не дает повода считать себя вежливым. Подлинная культура поведения не что иное, как внешнее выражение духовного богатства человека, его мира. Поэтому рассуждения типа «Зачем учиться пользоваться салфеткой за столом или правильно вести беседу: это не главное!» — разбижаются, как правило, самой жизнью. К сожалению, мы не часто задумываемся над тем, что в каждодневных человеческих отношениях проявление бестактности, грубости или равнодушия не только портит настроение, но и имеет более серьезные последствия — разобщает людей. Следовательно, вежливость — это нечто большее, чем простое соблюдение общепринятого этикета. Это умение общаться с людьми. Умение организовать общение людей, этика и этикет этого общения, проблемы культуры поведения — вопросы, значимость которых очевидна для современного клубного работника, не только приобщающего человека к культуре, но просвещающего и воспитывающего его в самом широком смысле этого слова. Стало быть, такой предмет разговора, как этика и этикет общения, не может не затронуть профессиональных интересов культпросветчика. И потому ему будет полезно

включить в свой круг чтения предлагаемую нами книгу.

Всякому уменню, как известно, необходимо учиться, и не один день. Правда, цветочнице Элизе повезло — профессор Хиггинс ухитрился превратить ее в леди за каких-то три месяца. Но авторы книжки «Если мы вежливы...» далеко не так оптимистично, как Бернард Шоу, смотрят «на возможность воспитать даже с использованием самой эффективной методики в течение краткого периода кого-либо так, чтобы он не просто знал технические аспекты общения, а стал действительно воспитанным, культурным человеком. Поэтому в книге, адресованной всем тем, кто по роду своей работы призван заниматься воспитанием, рассказывается, каким правилам поведения следует прежде всего обучить детей. «К тому же наша задача сложнее, чем у профессора Хиггинса, — пишут авторы. — Ведь мы стремимся к воспитанию культуры не у одного, не у многих даже, а у всех людей».

Правила поведения не придуманы меньшинством для того, чтобы «мучить большинство». Это итог многовекового развития культурных традиций народа; то, что не выдержало проверку временем, отбрасывалось. Современные правила этикета имеют длительную историю, которой нельзя пренебрегать. «Уважение к минувшему, — отмечал А. С. Пушкин, — вот черта, отличающая образованность от дикости».

«Немного истории» — так называется одна из первых глав книги. Многие правила поведения, пришедшие к нам из далеких времен, по форме своей почти не изменились, изменилось нравственное содержание этикета. При воспитании правил вежливости в нашем обществе исходят не из формальных предписаний: внешние приемы общения необходимы, чтобы выразить добрые чувства к человеку, уважение к нему.

Авторы приводят вопрос, который им часто приходится слышать: «А кто лучше, человек в душе добрый, но порой невыдержанный, грубый в обращении, или холодный, злой человек, но с хорошими манерами?» «Оба плохие, — отвечают авторы. — Ведь и добрый человек может, не умея себя вести или не зная, как себя вести, непроизвольно оскорбить другого, ранить его чувства».

К несчастью, есть у нас своеобразный тип людей, считающих себя интеллигентными (в самом деле: ведь они любят и умеют рассуждать об искусстве, литературе, науке, знают,

о каком спектакле сегодня «говорят» и «что нового» в толстых журналах), но не изживших в себе «внутреннего хама». В книге описан пример поведения таких «интеллигентов». Както в кассу за билетами на концерт в консерваторию стояла большая очередь. Пронесся слух, что билетов меньше, чем ожидали, и продавать их будут в другой кассе. «Все бросаются, стараясь опередить друг друга, к другой кассе. Раздавлены чьи-то очки, растоптан оброненный кем-то букетик цветов. В итоге короткого сражения за лучшие места первыми оказались наиболее выносливые молодые люди, за ними — самые энергичные женщины...» Эти люди наверняка знали, как следовало себя вести, но культура поведения оставалась для них лишь теорией, она не превратилась в естественную потребность, устойчивую привычку.

«Ясно, что заставлять людей механически заучивать правила вежливости, если они не понимают их назначения, неразумно, — пишут авторы. — Но как только это назначение понято, нам не избежать и некоторого заучивания, тренировок, даже повторения определенных правил. Без этого вежливость будет в основном «на словах».

Умение себя вести не пустяк, этому надо учиться, как всякому другому. Поэтому в книжке много места уделено практическим советам (а они-то особенно нужны воспитателям любого ранга, в том числе и работникам детского сектора клуба), как следует здороваться и каким образом приобщаться к простому уменню беседовать, каких правил необходимо придерживаться, если говоришь по телефону и переписываешься с друзьями, что и кому дарить, что значит «хорошо одеваться», как себя держать за праздничным столом, в театре и на улице (оказывается, она полна неожиданностей и каверз не только в смысле безопасности движения, но и в смысле соблюдения этикета), — всему этому посвящены специальные разделы книги.

Глава, которая называется «В хорошем доме», рассказывает о некоторых «мелочах», оттакаясь от которых можно ненавязчиво, как бы в форме игры, начинать преподавание азбуки вежливости. Вот один из советов: помогите детям проведи, допустим, «кофейный вечер» или «вечер чая».

«Как и к любому вечеру, здесь требуется подготовка. Ознакомьтесь, например, с тем, как приготавливают чай или кофе в разных странах, чтобы дети могли рассказать потом

об этом своим гостям. Конечно же, и кофейный вечер и разговор о кофе и чае не самоцель, а как бы подготовка к главному, ради чего собираются ребята. Создав атмосферу раскованности, доброжелательности, легче перейти к разговору на любую тему». И вот тут, казалось бы, дети могут без помех раскрыть свой духовный багаж, поделиться с приятелями своими увлечениями, сделать первые попытки составить и высказать собственное мнение о прочитанной книге или просмотренном спектакле, но... оказывается, уменню беседовать тоже надо учить, причем чем раньше, тем лучше.

Об этом — отдельная глава. «Степень воспитанности того или иного человека можно определить, услышав, как он разговаривает с другими людьми», — утверждают авторы. К счастью, существуют определенные правила (и в книге они даны), с помощью которых можно избежать многих затруднений при первом знакомстве, при разговорах в больших компаниях и даже в публичных выступлениях. Несмотря на своеобразие всех этих ситуаций, их описание в книге сопровождает одна и та же мысль: важно не только то, что говорится, но и как это говорится.

Что же касается выступлений, то главное в них, считают авторы, а также непревзойденный мастер устного рассказа Ираклий Андроников, — это умение «публично мыслить». «Зная заранее, о чем ты хочешь сказать, надо говорить свободно, не беспокоясь о том, получишь ли стройная фраза, и не пытаться произвести текст, написанный или заученный дома. Если же не облекать мысли в живую фразу, рождающуюся тут же в процессе речи, контакта с аудиторией не будет».

Клубные вечера — хорошая практика для юных ораторов, точно так же, как кружковые занятия — отличная возможность всесторонне овладеть этикетом. Например, в главе «Подарок — символ уважения», поднимая дискуссионный вопрос о материальной стороне подарка, авторы напоминают, что всякому возрасту и всякому событию соответствуют далеко не равноценные вещи. Так, дети вообще не должны делать дорогих подарков — ведь покупают они их на родительские деньги. Зато подарок, сделанный их собственными руками, специально для вас, принесет действительно большую радость. «Каждому доступно подумать и придумать что-нибудь интересное, оригинальное,

адресованное только тому, кого вы собираетесь поздравлять.

Учителя одной из ленинградских школ перед праздником 8 Марта устроили в классе конкурс на лучшее поздравительное письмо маме. Работа на уроке прямо-таки закипела. Ребята не заметили звонка — кто-то дорисовывал, кто-то дописывал стихотворение. В общем, учитель вовлек ребят в игру — метод, который может дать большой эффект в воспитании вежливости, доброты, внимания к людям».

Воспитатели, руководители кружков такое «придумывание подарков» могут успешно использовать для развития у ребят творческих навыков, самостоятельности, выявления индивидуальных наклонностей. «А главное — у ребят вырабатывается аллергия к формализму, который по прошествии ряда лет превратится в бесчувственное, холодное отношение к людям».

...Еще в начале книги авторы приводят письмо А. П. Чехова к брату, где излагаются некоторые черты воспитанных людей.

«1. Они уважают человеческую личность, а потому всегда снисходительны, вежливы, уступчивы... Они не бунтуют из-за молотка или пропавшей резинки; живя с кем-нибудь, они не делают из этого одолжения, а уходя, не говорят: с вами жить нельзя! Они прощают и шум, и холод, и пережаренное мясо; и остроты, и присутствие в их жилье посторонних...

2. Они сострадательны не к одним только нищим и кошкам. Они болеют душой и от того, что не увидишь простым глазом.

3. Они уважают чужую собственность, а потому платят долги.

4. Они чистосердечны и бояться лжи, как огня. Не лгут они даже в пустяках. Ложь оскорбительна для слушателя и опошляет его в глазах говорящего. Они не рисуются, держат себя на улице так же, как и дома, не пускают пыли в глаза меньшей братии... Они не болтливы и не лезут с откровениями, когда их не спрашивают... Из уважения к чужим ушам, они чаще молчат...

И т. д. Таковы воспитанные».

Многие из этих пунктов стали для авторов книги «Если мы вежливы...» темой подробного разговора. Итак, книга эта — о воспитании подлинно культурного человека, которому знание и умелое использование правил поведения помогают в повседневном общении, помогать делать людям добро.

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ДЕТСТВУ

— Лена Алексеевна, последнее время все чаще говорят о появлении в кинематографе нового жанра — «семейного кино», рассчитанного на то, чтобы дети смотрели фильм вместе со взрослыми. Такая двуадресность отличает многие картины Ролана Быкова — например, «Осторожно, черепаха!», «Автомобиль», «Скрипка и собака Клякса». За спектакли, которые предназначены для совместного просмотра с родителями, горячо ратует главный режиссер Ленинградского театра юного зрителя профессор З. Корогодский. Все популярнее становятся дни отдыха ребят с мамами и папами в клубах.

Преимущество семейного кино, театра, клубного дня в том, что они как бы возвращают взрослых к детству, делают их более отзывчивыми к интересам детей, помогают взаимопониманию. Ну а какие формы домашнего досуга обладают такой же педагогической возможностью?

— Пожалуй, семейные чтения. Современные родители — люди работающие, занятые. Бедствие наше — суета вечная. Поговорить с детьми обстоятельно, не

торопясь (да еще если их семеро, как у нас), некогда. Да и не всегда мы умеем разговаривать с детьми. А чтение вслух — это же общение, соперничество. Когда читаешь, они все на свете готовы забыть. Даже старшие, уже студенты, слушают. Алеша говорит: «Когда читаешь сам, как на экспрессе мчишься, а когда слушаешь, как будто идешь, ты торопясь, и все успеваешь рассмотреть».

— И часто удается всей семьей собираться у книги!

— Бывает, вечеров шесть-семь подряд читаем, а другой раз по неделям не до чтения. Тут графика не составишь. Иногда не идет книга. Тогда мы ее оставляем, недочитываем. Но когда на «свое» набредем, ничего лучше нет.

И вот что мы еще любим, что сближает: читать при керосиновой лампе или свечке. Не специально, конечно, чтобы никакой искусственности не было. А вот когда свет в поселке временно отключают — такое у нас случается, тут уж мы, как говорится, момента не упустим. Весь дом в темноте, невольно к огоньку тянешься.

Так мы прочитали вещи, которые, кажется, врозь и при ярком свете и читать

Совместная деятельность взрослых и детей, в том числе и в часы отдыха, — важнейшее условие укрепления семьи. Культпросветчики прекрасно понимают это: все популярнее становятся клубные программы для родителей и детей — «Мама, папа и я — спортивная семья», «Клуб выходного дня», «Делай с нами, делай, как мы» и другие. Однако акцент при этом переносится на «шумные» массовые формы. Клубы не связывают семейные программы с «негромкими», доверительными формами общения, да и не знают, подчас, что в этом смысле можно сделать.

Поэтому читателям «Клуба и художественной самодеятельности» — культпросветчикам, вероятно, будет полезен опыт семьи Никитиных из подмосковного города Болшево.

О семье Никитиных много пишут, ей посвящаются фильмы и телевизионные передачи. О методике развивающего семейного воспитания рассказывал в наш журнал (с.м. «КХС», 1976, № 12). Одним из важных средств такого воспитания, по признанию Никитиных-старших, да и самих ребят, стали семейные чтения. Очевидно, тут сказывается профессия Лены Алексеевны — вот уже 17 лет она работает в Большевской городской библиотеке имени С. Дурьлина.

О роли книги в воспитании детей расспрашивает Лену Алексеевну Никитину наш корреспондент.

нельзя — совсем не тот эффект получается: «Весенние перевертыши» В. Тендрякова и «Не стреляйте в белых лебедей» Б. Васильева. Они про очень сложный мир детства, о котором взрослые даже не подозревают. К слову сказать, Ленинградский ТЮЗ включил «Весенние перевертыши» в «семейный абонемент». Мы читали часа по четыре, читали и думали, хоть бы свет не зажигали, хоть бы до конца дочитать. У нас действует неписаное правило: как бы ни хотелось заглянуть в книгу и узнать, что же дальше, — если читаем все вместе, вперед не забегать.

— Но что же выносят из тех же «Весенних перевертышей» ваши младшие — восьмилетний Ваня и шестилетняя Люба! Не слишком ли опережающе для них такое чтение! Кстати, «семейный абонемент» Ленинградского ТЮЗа адресует одноименный спектакль родителям с детьми 13—15 лет.

— Не помню дословно высказывание Глеба Успенского по поводу развития детей книгами, не доступными еще их пониманию, но смысл таков: ребенок воспринимает их не умом, а сердцем.

(Добавлю только, что и «сердце» имеет свой «возраст». Скажем, Томаса Манна или Золя с детьми читать не будешь.)

— **Какие книги в вашей семье любимые?**

— Их много, они читаны-перечитаны. Это и «Том Сойер», и «Педагогическая поэма», и «Дон Кихот», и «Двенадцать стульев» с «Золотым теленком», и очаровательный «Карлсон»...

— **Что между ними общего?**

— То, что они очень помогают общаться с детьми, хотя в иных о детях нет и речи. Зато есть улыбка, добрый юмор, добрые чувства. Но книги о детях, о подростках нужны особенно. К сожалению, собственное детство все же забывается. И счастье, что есть книги, напоминающие о том, какие мучительные проблемы приходится решать ребятам, какими настоящими драмами бывают наполнены их дни, которые из нашего взрослого далека кажутся безоблачными. Дети ведь не готовятся к жизни, как принято иногда говорить, — они живут. Значит, радуются, страдают, принимают решения. Родителям книги о детях и подростках помогают вспомнить собственное детство и понимать своих детей.

— **Какие книги, по-вашему, возвращают нас в детство?**

— Кроме тех, которые я называла раньше, можно назвать «Мальчик у моря», «Небо с овчинку», «Беглец» Н. Дубова, «Денискины рассказы» В. Драгунского, «Тревога» Р. Достян, книги А. Алексина, Ю. Яковлева...

С книгами, написанными для подростков, происходит странная история. Подростки, особенно мальчики, не очень любят читать о своих сверстниках: они, как и мы, торопятся, в теперешней своей жизни разобраться не хотят — больше видят себя в будущем. Родители — тут уж во мне библиотекарь заговорил — тоже не хотят брать книги о подростках, они хотят «что-нибудь посерьезнее».

Выход один: книги о подростках — для семейного чтения, они ориентир для взрослых в мире детства и для детей — в мире взрослых. Двойной адрес книги — не недостаток, как думают иные воспитатели, а ее достоинство: совместно пережитые во время семейного чтения часы создают удивительное чувство взаимопонимания. В меньшей степени это относится к сказкам.

— **Когда-то мне пришлось прочитать, что Борис Павлович Никитин не признает сказок...**

— Был за ним такой «грех». Раньше. И мы немало спорили. Сказки, говорил он, сплошной обман. Учим, что обманывать нельзя, а там что ни герой, то обманщик. Да, врать нехорошо. Но ведь иногда нужно уметь хитрить. Бывает, говоря высоким стилем, и святая ложь. Сказки учат диалектике жизни. Учат ненавязчиво, между делом, в них и злодей есть, и хорошие люди, как в жизни. И хитрость, и зависть. И борьба добра со злом. Причем все без сенсаций, без выжимок. Как, скажите, передать ребенку огромный человеческий опыт, нравственные понятия, не прибегая к сказке, удивительнейшему, гениальнейшему изобретению человечества!

Так примерно я убеждала своего Бориса Павловича — и он согласился.

— **Что дают сказки детям, понятно. Ну а что дают они вам лично?**

— Для меня это учебник по педагогике. Честное слово. Да взять хоть Карлсона, того самого, что живет на крыше.

Он ведь не просто шалун. Нет. Он учит нас, взрослых. Мне, например, помог понять, что в воспитании мы слишком много внимания уделяем мелочам. Карлсон натворил в квартире бог знает что и заявляет: «Пустяки, дело житейское!» «Как? — возмущаются взрослые. — Это разбитая-то люстра пустяки?» Но в самом же деле пустяки — и разбросанные игрушки, и люстра. Пустяки в сравнении с теми задачами, которые решает малыш уже с детства, например, кого выбрать себе в друзья.

Или Мери Поппинз. Как раз недавно мы прочитали о ней. Она совсем непохожа на Карлсона: эта строгая няня беспорядка терпеть не будет. Упаси боже выйти на улицу, не застегнув пуговицу. Но дети, с которыми она нянчится, которых муштрует по-страшному, без ума от нее. Почему? Педагогическая загадка для взрослых. А дело в том, что она умеет делать чудеса, притом не так, как «полается чудесить», а по-своему, шиворот-навыворот. И вот за эту непохожесть дети и любят ее.

Какая же важная мысль преподносится детям: не бойся внешне быть похожим на других, не раздражай людей по мелочам, но внутренне оставайся собой. Мудрейшая вещь. Конечно, ребята все не осознают, но в образной форме эта мысль начинает у них откладываться.

— **Когда вы сами выбираете книгу для семейного чтения, то доверяетесь собственному вкусу, интуиции. Ну а что вы рекомендуете своим детям для самостоятельного чтения?**

— Я не люблю этого слова — «рекомендовать». Если мне хочется, чтобы ребята прочитали какую-нибудь повесть или рассказ, я говорю: «Вот это книжка!» И вся рекомендация. К слову сказать, рекомендательные списки для внеклассного чтения приносят, на мой взгляд, больше вреда, чем пользы. Я понимаю, если бы эти списки составлялись по темам («Книги о революционерах», «Природа зимой», «Мир животных» и т. д.) или предлагалось бы несколько книг, на выбор. А то непременно Бианки, и непременно тот рассказ, что указан. Предлагаю юному читателю: посмотри, сколько Бианки написал, прочти не то, что все, а другое и всем потом расскажешь. Девочки особенно настойчивы: «Другого не надо, нам именно этот рассказ велели». Мальчишки — те, наоборот, по рекомендательному списку редко берут. Показываю «Айвенго», они полистают: «А-а, это из списка, не надо». В них какой-то дух противоречия сидит.

Так что я стараюсь избегать навязчивых советов и своим детям, и читателям. Никогда не задаю вопросов вроде: «Прав ли главный герой?», «Чему научила тебя книга?». Не задаю потому, что убеждена: подобный «разбор» ничуть не помогает осмыслению прочитанного. Пять лет я проучительствовала в школе и хорошо помню, что самое сильное воздействие на ребят производило выразительное чтение вслух. Мои пятнадцатилетние потрясены рассказом Короленко «Дети подземелья». Дальнейший разговор о героях не усилил эмоционального восприятия. А ведь самое главное, когда речь идет о восприятии литературы, — создать у читателя чувство потрясения, сопереживания.

— **Все семеро ваших детей читают с трех-четырех лет, и читают с удовольствием. Между тем многие родители жалуются: ребенку шесть лет, а за книгу не усадишь. В чем причина?**

— Современный шестилетний ребенок знает уйму вещей: он смотрит телепередачи, ему прочитали массу книг — и вдруг его заставляют читать: мама мыла раму. Конечно же, интеллектуально он подготовлен к более сложным текстам (специалисты утверждают, что к пяти годам человек наполовину завершает свое интеллектуальное развитие), да техника чтения хромает. А вот в три года прочесть «мама мыла раму» — целое событие. Малыш ликует, что освоил премудрость чтения, а с ним и вся семья. В шесть лет такой «текст» никакой радости не приносит. В этом, вероятно, все дело.

Нас часто спрашивают: что хорошего в раннем чтении? Хорошего немало: малыши до школы прочтут много книг — значит, им легче будет учиться в школе. Во-вторых, ребенок может сам себя занять, поэтому экономится время родителей. Но самое важное — книга становится для ребят наслаждением: когда они подрастают, у них уже нет противоречия между техникой чтения и книгами, доступными их пониманию.

— **Какие читательские пристрастия у ваших ребят?**

— Алешу больше привлекают социальные, психологические проблемы, увлекается он и научной фантастикой. Антон «всеяден». Девочки охотно читают о всяких переживаниях, об отношениях между сверстниками, любят романы В. Гюго и В. Скотта.

— **Лена Алексеевна, позволяю один, может быть, не совсем тактичный вопрос: что заставляет вас будоражить общественное мнение, доказывать преимущества раннего интеллектуального развития ребенка? А последнее время вы еще и рубрику «Домашний педсовет» ведете в «Комсомольской правде». Можно в конце концов воспитывать собственных детей, как находишь нужным, и считать свой долг перед обществом выполненным.**

— Вы задали большой вопрос. Давным-давно, когда мы только начинали вырабатывать свою семейную педагогику и видели лишь первые ее результаты, мы написали письмо Дворакам — есть такая семья в Киеве (о раннем развитии детей в этой семье сообщалось в печати). Мы спрашивали: не опасно ли для здоровья ребенка опережающее сверстников развитие? Они прислали очень хорошее письмо и успокоили нас. Но когда позже я предложила Дворакам рассказать об их «секретах» всем, то получила вежливую отповедь: своих ребят мы воспитываем, как считаем правильным, а учить других не собираемся.

Это не то что меня обидело, а навело на размышления. Так я до сих пор и не пойму, правильно мы сделали или нет, что поставили своих ребятшек в сложную ситуацию открытости, когда они стали не просто детьми Никитиных, но еще и объектами пристального изучения педагогов, психологов, медиков. Старшие ребята когда-то были недовольны таким положением, но сейчас поддерживают нас.

Хочу быть правильно понятой: мы все же не все проблемы воспитания решили для себя и не хотим выступать в роли менторов, но поделиться всем, что у нас выходит, что помогает находить общий язык с детьми, считаем своим гражданским долгом.

ЧЕЛОВЕК

23

МЕГАФОНОМ

В. ЯКУШ,
журналистка

Можно ли разграничить, какой досуг для себя, а какой не только для себя, но и для других? Наверное, грань тут относительная, хотя, если человек собирает, скажем, марки или открытки, или совершает лыжные прогулки, то это все-таки больше для себя. Если же он дарит государству свою коллекцию, музей леса или музей древесной скульптуры (о таких людях рассказала журналистка Н. Павлова в № 2 журнала за этот год), то это и для себя и для других в равной степени, и досуг таких людей без всяких оговорок можно считать общественно полезным. Ну, а если человек всю жизнь скромно преподавал, допустил, географию в маленьком тихом городке и в один прекрасный день увлекся историей этого городка и начал кропотливо изучать ее в свободные часы, — для кого этот досуг? Для себя?

Я бродила по Новгороду-Северскому, заворожная тем неторопливым, размеренным ритмом жизни, когда на площадь плавно, будто на аллею, а не наперез транспорту, выплывает женщина и мотоцикл, вынырнувший из-за угла, незлобиво уступает ей дорогу. Когда, сонно взмахивая метлой, дворник сметает мусор в аккуратные, красивые пирамидки и старушка, просеменя ногами, у ближайшей пирамидки останавливается. Любопытная, наверное, старушка. Может, она знает, в каком веке построен собор, что веселыми, зелеными — одна большая, четыре маленьких — луковками выглядывает из-за универмага «Ярославна»? Не знает. А я ведь приехала и этого собора ради. Наслышавшись о новгород-северских памятниках, давно мечтала побывать здесь, и вот наконец выбралась. А вокруг собора — забор, и на мои распросы о нем человек десять уже пожалы плечами.

— А вы сходите к Хоткевичу, — озарила плавно плывущая женщина. — Он, еще когда работал учителем географии, ходил с мегафоном, все лето напролет водил экскурсии. К нему многие приезжие так и идут — прямо в дом.

Высокий, худой старик во дворе ладил удочки, должно быть, собирался рыбалить. Завидев меня, он вопросительно вскинул брови. Однако, выслушав не без некоторого, как мне показалось, удовлетворения, оставил удочки в сторону и повел меня на Монастырскую горку, где дремотно вздымались стены монастыря, куда снизу, с Десны, неслись рокот моторок и отчаянно-радостные крики купальщиков.

Хоткевич уселся прямо на траве, удобно вытянув ноги, и по этим ногам, по

тому, как светлая, выдавшая виды шляпа непозволительно задорно вдруг съехала ему на затылок, было ясно, что Леониду Васильевичу здесь нравится, что на горке он чувствует себя как дома. Повернувшись, он пристально на меня посмотрел, видно прикидывая, с чего начать рассказ, и, наконец, взмахнул рукой, словно приподнимая какой-то занавес:

— В 1185 году из Новгорода-Северского уходил в поход на половцев князь Игорь, да-да, тот самый, герой «Слова о полку Игореве». Отслужив, по обычаю, молебен, войско вышло из стен города и направилось вон туда, — Леонид Васильевич показал направо, за крутую излучину Десны.

Хоткевич подробно, со знанием дела описал дальнейший маршрут Игоря, плен. Забыв, кажется, о том, что нещадно припекало солнце, он вел меня дальше, в семнадцатый век, когда жители Новгорода-Северского дали дружный и неожиданный отпор Дмитрию Самозванцу, когда позднее с Новгородом-Северским оказалась связанной судьба известного украинского деятеля Лазаря Барановича. Потом передо мною открылись двери и в век восемнадцатый; вот знаменитый Джакомо Кваренги создал проект, по которому на территории монастыря был выстроен Спасо-Преображенский собор. Но тут Леонид Васильевич вдруг заплулся, возмущенно крякнул и расстроено, видно, здорово наболело, признался:

— Я на этот собор смотреть не могу спокойно. Двенадцать лет его реставрируют! Я, когда еще был председателем общества охраны памятников, обивал пороги: то рабочих нет, то строительных материалов. А тут снова поехал в Чернигов, уже по личной, как говорится, инициативе, узнавать, почему реставрационные работы вообще остановились. Ответили: не хватает, мол, средств, все, что отпускается на область для реставрационных работ, забирает Чернигов на создание историко-культурного заповедника.

Хоткевич в сердцах вернул шляпу с затылка в исходное положение, собираясь еще что-то добавить по поводу средств, но нечаянно склонила глазами по часам, вдруг, охнув, засуетился, извинился, что мало чего успел рассказать, да надо встречать сына, побежал домой.

Он напрасно извинялся. Я благодарна была ему за встречу, за Монастырскую горку, за рассказ. За то, что не просто узнала для себя много нового, но видела, как за изломом Десны блестят на солнце шлемы рати Игоревой, слышала,

как тихо бряцают копыта воинов. Не каждый день нам дарит такие встречи. Тем более в маленьких городках. И странно и грустно бывает, когда порой за тридевять земель приедешь, а там, чего искал, оказывается, нет. Вернее, может, оно и есть. Да местные не знают. Вот в Рузе, например, небольшом райгородке, что в ста двадцати километрах от Москвы, сохранились, я где-то вычитала, остатки кремля и древнее городище. Каждое лето, бывая в Рузе, спрашиваю: где? В ответ пожимают плечами...

Нет еще в таких городах профессионалов-гидов, да и сама-то история этих городов порой еще не написана. А раз не хватает профессионалов, которым рассказывать нам о прошлом было бы положено по службе, то и появляется чувство особой благодарности к тем, кто, как Леонид Васильевич, знаток своего города, становится гидом в часы досуга. Этот досуг не только для себя, но и для нас — отсюда и наша признательность. Я поговорила с Леонидом Васильевичем довольно короткое время, а сколько он еще, наверное, может рассказать!..

Представился случай, и я оказалась в Новгороде-Северском во второй раз. Предварительно сообщила в письме Хоткевичу о своем приезде: хочу, мол, побольше узнать о городе. Он прямо в гостиницу пришел с ворохом газет и журнальных вырезок. Галантно поздоровавшись и справившись о самочувствии, он разложил на столе газеты и, не откладывая дела в долгий ящик, приступил к рассказу.

Мы снова шли по дивному, покрытому пылью эпох пути, на котором одна за другой мелькали вехи: двенадцатый век, семнадцатый, восемнадцатый. Снова, как и тогда, летом, мой спутник уверенно вышагивал по этому пути, чудодейственно наполнял светом, красками и звуками давно отшумевшие картины прошлого. Но... странное дело, о чем бы у нас ни заходила речь, в какую бы сторону мы ни сворачивали, мы непременно почему-то след в след возвращались к Игорю, все к тем же новгородцам, давшим отпор Самозванцу, к известному деятелю Лазарю Барановичу, как будто на них вся история замыкалась. Леонид Васильевич неторопливо и обстоятельно, почти слово в слово, повторял то, что уже рассказывал на Монастырской горке, от чего и знакомые уже образы как будто стирались. Так было, увы, и на завтра, и через день, и через два. Я удивлялась, изумлялась, не понимая, куда делся тот, летний, поразивший меня

Нет, он, конечно, не скрытный человек. Все, что знает, он дарит щедро и бескорыстно. Просто не очень много сведений дошло до нас об истории Новгорода-Северского, и тут уж, как говорится, ничего не сделаешь.

Я бы сказала, что Леонид Васильевич — «узкий специалист» своего «досуемого» дела, которое после его ухода на пенсию стало основным делом его жизни. И как всякий узкий специалист, он весь в своем «предмете». Поэтому и повторяется. Но как увлеченно, с какой любовью к своему «предмету», которую нельзя не увидеть, которой нельзя не поразиться в первую же встречу. Как же пришла к нему эта любовь?

Вернемся лет на пятнадцать назад — в то время, когда у нас как раз и начался взрыв интереса к истории, когда в республиках начинали работать общества охраны памятников истории и культуры, округа повсюду, не только в городах — в поселках, школах, витали идеи создания пусть маленьких, но своих музеев. Когда, наконец, новгородсеверцы, не оставшись в стороне от этих веяний, вдруг обнаружили, что во главу их нарождающегося музея (а позже, когда будет создано, и во главу районного отделения общества охраны памятников) немисливо поставить кого-то, кроме старого учителя географии. Мало того, что он больше всех знал из истории города, но давно уже, не дожидаясь веяний, не по чьей-то воле, а по своей собственной брал в руки мегафон и в свободные часы водил по городу экскурсии школьников, туристов, отдыхающих из местного дома отдыха.

Как у человека, собирающегося на пенсию, вдруг зародилась привязанность к мегафону, никто, впрочем, не знал. Наверное, Леонид Васильевич и сам не припомнит, когда география, которую на протяжении сорока лет он честно преподавал в школе, потеснилась, уступив место истории, позволив завладеть его сердцем хотя бы одной той новости, что Лазарь Баранович создал в их городе первую на Левобережной Украине типографию («Ни в Харькове, ни в Чернигове книг еще не печатали!»). Был, верно, у Леонида Васильевича недюжинный общественный темперамент, который копился и не находил выхода ни на уроках в школе, ни в краеведческой работе, которой он занимался. И масштабная вроде бы наука — география, но размаха деятельности не давала. А Новгород-Северский хоть и точка на карте, но взял в руки мегафон — и уже деятельность в масштабе целого города и даже шире (приезжих-то сколько!).

Настолько значительным и серьезным казалось Леониду Васильевичу его «досуемое» дело, что какая-то неугомонность вдруг проявилась в нем, конфликтность, которую, надо сказать, не все понимают и принимают: и чего, мол, старик так волнуется...

Зашла я однажды в музей, где когда-то, совмещая в себе сразу директора и историка, научного сотрудника и столетия, Хоткевич пропадал целыми днями: красил рамки, подставки, развешивал экспонаты. А прослышав, что в Успен-

ском соборе, в том самом, что выглядывает на площадь, хранится Библия, печатанная при Барановиче, бегал за батюшкой, выпрашивал ее для музея.

С музеем меня познакомил его нынешний директор Григорий Кузьмич Кедун. Потом он начал перебирать, кого бы из научных сотрудников или учителей, членов актива попросить показать мне город. «Так, может, Хоткевича?» — подсказали в комнате. Кедун, поморщившись, укоризненно взглянул на подсказчика, потом повернулся ко мне:

— Леонид Васильевич, конечно, знает немало и рассказчик он неплохой. Однако... — директор запнулся, верно, подобрав слова, да так и не подобрав, уклончиво закончил: — Однако у меня с ним принципиальные разногласия...

Он многозначительно улыбнулся, всем видом своим выказывая изумление стариком. Зачем он сует нос не в свои дела, зачем ему, ныне просто экскурсоводу, организовывать коллективное письмо отдыхающих: когда, мол, возобновятся работы в соборе? Как будто об этом не пекутся...

— И то правда — зачем? — дивился себе Леонид Васильевич. Он давно уже не уставая водил меня по монастырю, показывая памятники, расположенные на его территории.

— Устал я, — вдруг тихо выдохнул он. — Устал. Семьдесят четыре года, а я, как молодой, все куда-то бегу, пишу, что-то требую. Как будто, действительно, мне больше всех надо. Что мне, за хлопоты деньги платят? И не платили. Я и в музее, и в обществе работал на общественных началах. Слава мне, что ли, нужна? Меня и так в городе знают, а к празднику и так десятки поздравлений от знакомых и учеников приходят. Что я, на центральной улице, что ли, живу? Не живу. Так нет же, иду в горисполком и ставлю вопрос ребром: примите меры. На этой улице столько мусора, что стыдно вести по ней туристов... Или вот насчет средств, о которых, помните, мы говорили в прошлую нашу встречу. Все они, мол, уходят в Чернигов, на заповедник. Ладно, я ничего против этого не имею: заповедник создать — дело стоящее. Но вы думаете, что все деньги идут на дело? Не на дело. На купола! Зачем, скажите, их золотить, зачем тратить деньги, когда в древности позолоты не знали? А?

Я готова была добавить, что не знаю, как насчет куполов с точки зрения истории, но если уж зашла о них речь, то я бы лично сказала о другом. О том, например, что стоит в Чернигове (как раз, наверное, к заповеднику и относится) Ильинская одиннадцатого века церковь. Внутри этой церкви грязно, мусор и свалка. Огромная (судя по дате на кирпиче-связке: «1972 г.» — давнишняя) трещина раскалывает западную апсиду церкви. И вместо того, чтобы трещину заделать, вместо того, чтобы спасти от разрушения красивейшей и ценнейшей (не так уж много до нас их дошло) памятник зодчества, украшают фасад, белят стены, золотят — вот тут-то я тоже с этим не согласна — купола. Рачительно ли, похозяйски расходуются средства?

Только сказать всего этого я не успела. Мой спутник стоял уже далеко, и по

его фигуре, вновь преисполнившейся энергии, по его улыбке, вдруг снова расправившей и омолодившей лицо, я поняла, что этому человеку, кажется, бесконечно по душе вот так разглядывать и трогать руками сваленные в кучу доски, заботиться о том, чтобы рабочих не отняли у собора и не перевели на турбазу, чтобы мусор на центральной улице города не оскорблял глаз горожан и неведомых ему туристов. Что это так же неотделимо от него, как и эти город, река, как этот собор, немый и величавым стражем оглядывающий окрестности с высоты Монастырской горки.

— А сколько в истории Новгорода-Северского еще нераскрытого, — говорил мне Леонид Васильевич, когда мы прощались. — Вон там, под монастырем, начинаются подземные ходы, а куда они выходят? Я было сунулся туда, но далеко не пройди, да и страшно: вдруг во время войны заминировано? Или вот: когда была создана Новгородсеверская гимназия? Считается что в 1804 году, но у меня есть основание думать, что позднее. Сейчас переписываюсь с одним учителем, он еще старше меня. Надеюсь, поможет уточнить дату. А когда был основан наш город? — в волнении остановился мой спутник. — Судя по летописям, он такой же древний, как Чернигов. Я даже в газету принес очерк: «Нашему городу скоро тысяча лет». А мне тут же: «У вас есть доказательства?» — Хоткевич недоуменно развел руками: — Не напечатали. Хоть я в заголовке и хитро написал: «скоро...»

Не знаю, возможно, читатель и укорит моего героя за нетерпеливость, с какой убежденный сединами человек торопится возвестить землякам, что городу их скоро тысяча лет. Наверное, с точки зрения большой науки дата основания уездной гимназии, которую ищет Хоткевич, погоды не делает. Но я лично судить его увлеченность не берусь. Скажу, что, конечно же, в заботах своих Леонид Васильевич не одинок. В городе постоянно восстанавливаются старые памятники, едут и едут в Новгород-Северский туристы. Большую работу проводят Общество охраны памятников, музеев, экскурсионное бюро. Не все делается так быстро, как хотелось бы Хоткевичу, но у города ведь и других забот немало. И все-таки хорошо, что у новгородсеверцев такой человек есть. С его дошностью и сметливостью, с его энергией и нетерпеливостью, с готовностью каждому, кто постучится в его дом, открыть двери, чтобы просветить, отдать частицу знаний, которые сам как пчела добывал по крохам.

Но дело Хоткевича нужно не только городу. Дело это, начавшееся с «досуемого» увлечения, нужно и ему самому. У Леонида Васильевича счастливая, деятельная старость. И этим он обязан тому, что когда-то, много лет назад, будучи учителем географии, открыл книжку, в которой вычитал несколько строк об истории своего города. В часы досуга он нашел свою будущую судьбу.

Строим «Хоровой дом»

М. ЗАРИНСКАЯ,
художественный руководитель
народного академического
женского хора ленинградского
Дворца культуры
имени В. Капранова,
заслуженный работник
культуры РСФСР

Этот хор начал свою жизнь в ленинградском Дворце пионеров имени А. А. Жданова как детский коллектив, затем вырос в комсомольско-молодежный хор, а с 1960 года стал народным академическим хором Дворца культуры имени В. Капранова.

Бессменно работает с хором его руководитель — Мария Федоровна Заринская. За эти годы в хоре пело более двух тысяч человек. Свыше ста воспитанников коллектива стали педагогами-музыкантами. Здесь начали свой путь в искусство народная артистка СССР, лауреат Ленинской премии, лауреат международных конкурсов Елена Образцова, солистка Ленинградской филармонии Надежда Юреньева и другие известные профессиональные певцы. Хормейстер хора И. Кулешова поет в нем с 1948 года. За эти годы окончила музыкальное училище, а затем и Ленинградскую консерваторию. Концертмейстер хора Е. Николаева работает с коллективом 23-й год.

За годы существования хор исполнил более 700 произведений советской музыки, русской и зарубежной классики, песен народов СССР и мира. Это сочинения Палестрины, Перголези, Глюка, Баха, Сен-Санса, Брамса, Вебера, Глинки, Чайковского, Рахманинова, Римского-Корсакова, Винтера, Ярнефельта, Ду-

наевского, Новикова, Салманова, Свиридова...

В 1977 году хор стал лауреатом Всесоюзного фестиваля самодеятельного художественного творчества трудящихся. На международном конкурсе „Таллин-72“ был удостоен высшей награды — золотой медали и звания лауреата. Он стал творческой лабораторией для оканчивающих музыкальные вузы страны и для руководителей хоров Советского Союза.

Творческие достижения этого хора велики. Они определяются и талантом руководителя, и методикой занятий, и репертуаром. Но есть еще одно слагаемое успеха — нравственная атмосфера в коллективе, его внутренняя жизнь, которая формируется кропотливой и последовательной работой М. Ф. Заринской с хористами. В отчетах она называется „образовательной и учебно-воспитательной работой“. Что кроется за этим понятием? Об этом рассказывается в заметках М. Ф. Заринской, награжденной премией ВЦСПС.

На последнем съезде Всероссийского хорового общества некоторые хормейстеры сетовали на то, что с любительскими хорами нелегко работать из-за текучести состава, трудностей с привлечением новых, и прежде всего молодых, певцов.

Слушала я эти рассуждения и подумала: так ведь многое зависит от нас, руководителей самодеятельности. Если занятия в хоре, репетиции лишь нудное разучивание, оттачивание техники, что же жаловаться на молодежь? Она ведь идет в самодеятельность в ожидании радости, удовольствия.

Как сделать так, чтобы каждое занятие было для хористов хотя бы маленьким открытием новых идейных, культурных, нравственных горизонтов? Разве обязательно всегда начинать с распевания? Это, конечно, необходимый элемент занятий. Но почему же не попробовать достичь тех же целей другим способом — к примеру, пением «для души» любимых произведений? Или разве не полезно иногда провести слуховую игру-диктант несложной русской песни? Наверное, немало есть и других способов избежать назойливого повторения упражнений.

Справедливо утверждается, что хор как модель человеческого коллектива должен изучаться социальной психологией: ведь в нем происходит общение людей через музыку, создается атмосфера взаимного интереса друг к другу, создающей коллективной увлеченности общим делом. . . Надо нам учиться использовать возможности для разнообразной образовательной и воспитательной работы с участниками хора и тем самым делать репетиционный процесс интересным и созидательным. Занятия любительским искусством должны вести не только к высотам мастерства, но и нравственно и эстетически развивать человека, обогащать его жизнь. Конечно же, эти задачи

прежде всего решаются в процессе репетиций конкретных музыкальных произведений, раскрытия их образной структуры. В художественном коллективе людей воспитывает прежде всего сама художественная культура. Но это вовсе не означает, что его жизнь может ограничиваться лишь «святым искусством», а об остальном, мол, пусть заботятся другие.

Приведу один факт. У нас в Ленинграде воздвигнут памятник Победы. Когда он создавался, все ленинградские трудовые коллективы принимали участие в его строительстве. Собрались мы на очередную репетицию и решили: «Наш хор — это тоже коллектив. Мы тоже пойдем трудиться на стройку». А потом, на открытии памятника, выступали с нашим лучшим героико-патриотическим репертуаром. Участие коллектива в сооружении памятника Победы оказало огромное воспитательное воздействие на всех нас.

По своему опыту знаю, как духовно обогащают наших самодеятельных артистов обсуждения важнейших событий в стране и мире, лекции, беседы, дискуссии об искусстве, творчестве авторов исполняемых нами произведений.

От занятий всегда ждут чего-нибудь интересного. Все участники нашего хора с удовольствием приходят на репетиции — они знают, что их обязательно ожидает что-нибудь интересное, и продумывая план очередного занятия, а затем и проводя его, я стараюсь решить и эту довольно нелегкую задачу. Чтобы не быть голословной, приведу некоторые конкретные записи проведенных репетиций.

6/IX.75 г. Первое занятие в новом сезоне. Хористки рассказывали о прошедшем лете, как его провели, что нового, интересного слышали в концертах, видели в театрах. Затем работали над Сюитой-фантазией на темы русских песен Олеса Чишко. Решили послать ему поздравление с его юбилеем и сообщить, что начали работать над его сюитой. Предложили это сделать сами участники хора, и меня это обрадовало.

13/IX.75 г. Сначала репетировали песню «Лучинушка» из русской сюиты. В 19 часов слушали выступление детского хора, с которым работала наша хористка Оля Улитина в пионерском лагере. Обсуждали потом горячо. Всем понравилось.

18/X.75 г. С интересом слушали доклад Татьяны Ишуниной о романтизме в музыке — в связи с работой над двумя хорами Шумана (Т. Ишунина — студентка института культуры имени Н. К. Крупской).

21/X.75 г. Рассказывала о хоровой музыке композитора В. Волошинова — в связи с возобновлением в хоре русской песни «Земляниченька» в его обработке, сделанной специально для нашего хора (информация главным образом для новеньких).

25/X.75 г. Начали занятия с трехголосного слухового диктанта болгарской песни «На морская бряг». Затем послушали доклад Т. Ишуниной о творчестве Шумана. Репетировали хор Шумана «Морская фея».

20/XI.75 г. Начали с анализа хоровой партитуры, сделанной Е. Орешенко (студентка). Разучивали по слуху песню Ю. Щекотова «БАМ — стройка комсомольская». После занятия провели репетицию песни-приветствия народному театру Дома культуры к его сорокалетию.

9/III.76 г. Кроме разучивания новых произведений, пели программу к концерту в квартетами у рояля.

3/IV.76 г. Прошло открытое занятие для студентов 2-го курса института культуры.

6/IV.76 г. В начале репетиции обсуждали концерт камерного хора под управлением В. Минина (Москва).

13/IV.76 г. Пение группами песни «Лучинушка», с остановками «по отсекам» для проверки устойчивости строя. Студентка Т. Ишунина спела свою программу, которую подготовила к госэкзамену.

25/IX.76 г. Коллективно читали статью Б. Тищенко о Дмитрие Дмитриевиче Шостаковиче.

26/XI.76 г. На занятиях были режиссер Сонин и композитор Ю. Щекотов. Они прослушали песню «Мой город» для концерта в зале «Октябрьский».

25/I.77 г. Работали над вокализом М. Парцхаладзе «У Вечного огня», слушали стихи участницы хора Ж. Чухаевой «На Марсовом поле» и стихи рабочего-поэта на эту же тему.

29/I.77 г. Беседа с хором о мелодии и ритме на примерах классики.

16/II.77 г. Провели показательную репетицию для заведующих хоровыми кафедрами институтов культуры из союзных республик. Какие произведения споем — решили все вместе.

6/III.77 г. Подготовили песню-приветствие хору Ленинградского технологического института. Договорились о составе «делегации» на юбилей.

8/III.77 г. Разговорились о концертной программе московского хора молодежи под управлением Б. Тевлина. Завязалась долгая дискуссия.

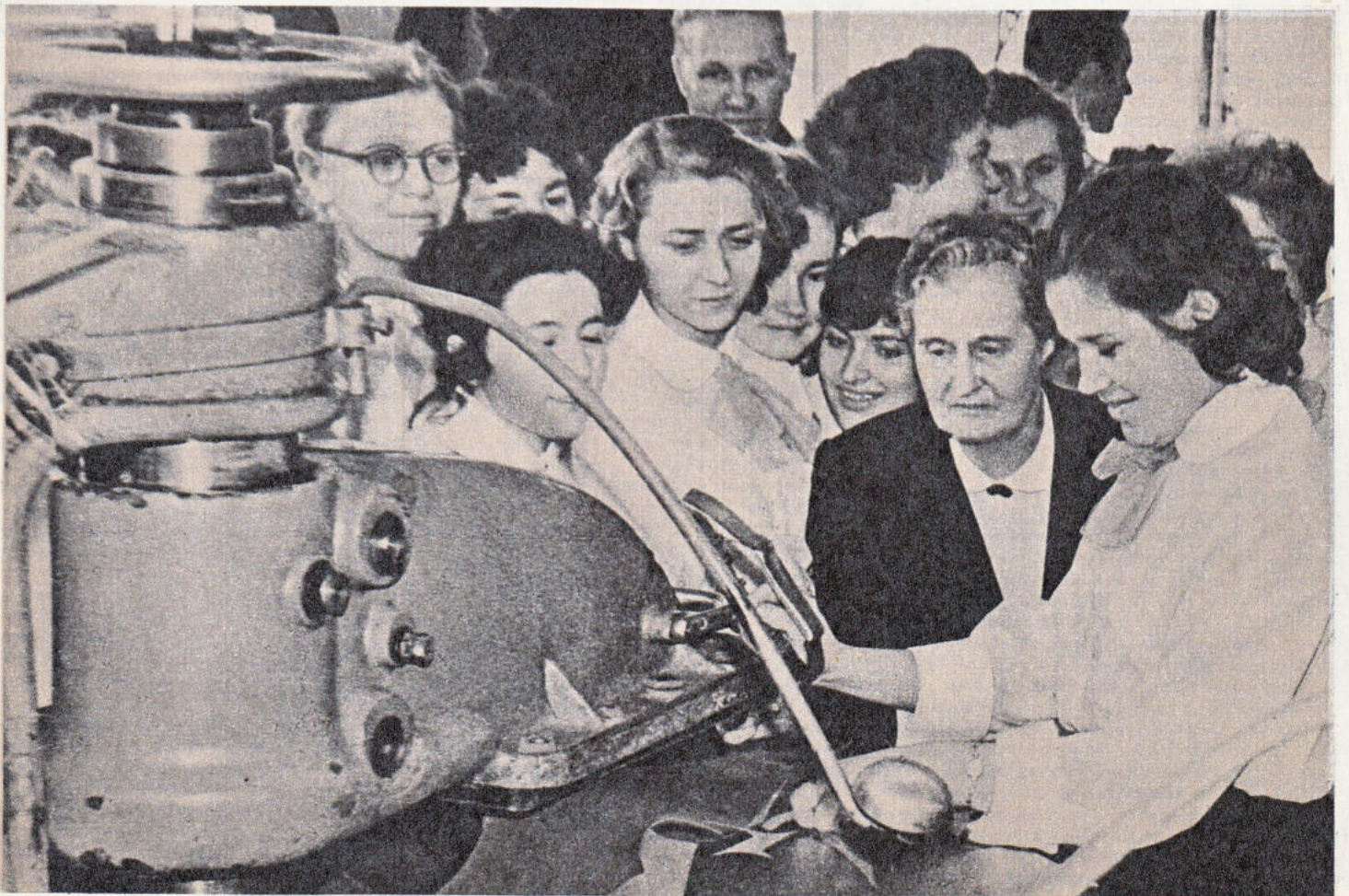
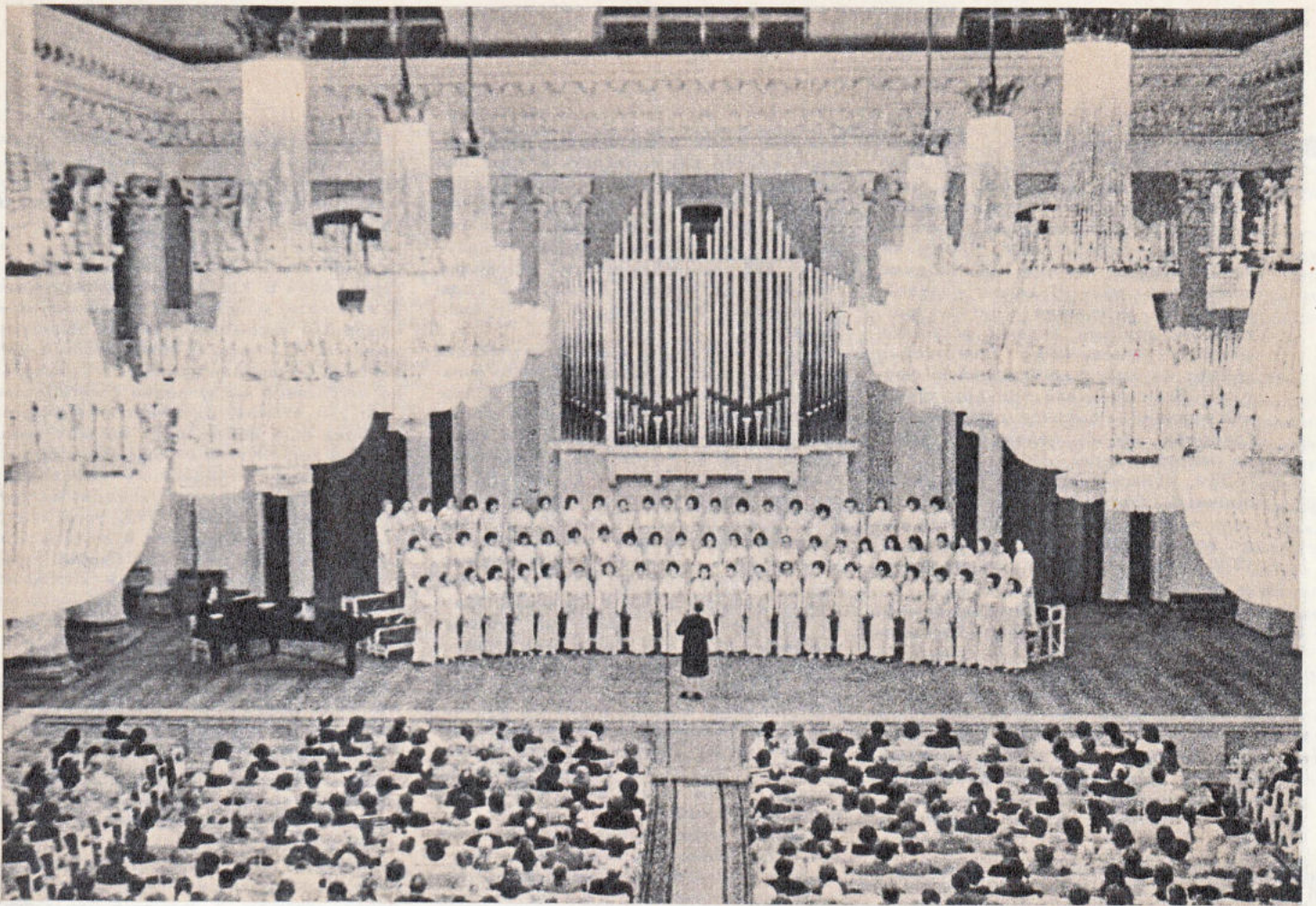
6/IV.77 г. Проводим хронометраж программы к гастрольной поездке. Рассказывала участницам об агитпоездке ветеранов-коммунистов по области, в которой участвовал хор старых большевиков Ленинграда.

20/IX.77 г. Читали статью композитора Андрея Петрова «Искусство — народу» — в связи с обсуждением проекта новой Конституции СССР. Говорили о роли искусства в жизни советских людей.

15/XI.77 г. Беседа о выразительности и эмоциональности в пении. Читала выдержки из рецензии Вл. Рубина «Московский камерный» («Советская культура»), из рецензии А. Антонова на выставку работ художника А. Платова «Художник рассказывает о Родине» («Ленинградская правда»). Решили посетить выставку.

10/IV.78 г. Беседа о реализме и формализме в искусстве.

8/V.78 г. На занятиях зашел разговор о роли искусства в становлении личности. Читали статью заведующего кафедрой кардиологии института усовершенствования врачей имени С. М.

Кирова профессора М. С. Кушаковского о борьбе со стрессами. В частности, обратили внимание на такое замечание: «Противопоставить им следует лишь одно — более высокую культуру эмоциональных отношений, заботиться о которой необходимо каждому из нас». И далее: «Занятия музыкой, увлечение литературой, театром, другими видами искусства, спортом чрезвычайно благотворно влияют на нашу эмоциональную сферу» («Ленинградская правда», статья «Осторожно — высокое давление»). Говорили, как мы ведем себя дома, на работе, в хоре.

22/IV.78 г. Рекомендовала участницам прочесть статью доктора философских наук И. Кона «От четырнадцати до восемнадцати» (журнал «Звезда», 1978, № 4). Это психологический очерк.

29/IV.78 г. Читали стихи о войне, о Дне Победы. Особенное впечатление — от стихотворения Веры Инбер «Бессмертие».

В сезоне 1976/77 года хор разучивал сюиту композитора Е. Адлера «Родная природа» на стихи русских поэтов. Одна из частей сюиты называлась «Непогода» и была написана на стихи И. С. Никитина. Готовя эту программу, мы провели Никитинские чтения — поговорили о творчестве и личности поэта, читали его стихи.

В хоровом классе регулярно выпускается стенная газета «Дневник искусств». Там мы помещаем стихи, репродукции, фотодокументы, которыми хочется поделиться с коллективом.

Такая переключка музыки с литературой, другими видами искусства сопутствует жизни коллектива постоянно и, разумеется, обогащает людей, расширяет их кругозор.

Эти короткие выдержки дают представление о содержании внутренней жизни нашего хора, о характере вопросов, которые обсуждаются нами. Это позволяет избежать чрезмерной «деловитости», которая обедняет жизнь и превращает любое занятие в механический бег к цели.

Руководителю хора надо быть внимательным к каждому. Вновь приходящие в хор, может быть, особенно нуждаются в индивидуальном к ним подходе, чтобы слиться с коллективом, а то их легко потерять.

Каждый учебный год в хор приходит новое пополнение — люди, желающие в нем петь. Меня всегда интересует, почему выбран именно наш коллектив — ведь в Ленинграде много других интересных хоров. В большинстве случаев узнаешь, что слышали выступления хора, читали о нем, иногда говорят, что им кто-то посоветовал или звали сами наши хористки. Принимаем мы всех желающих. Условие ставим лишь одно — наличие музыкального слуха, а голос разовьется в хоре. Новички принимаются условно на два испытательных месяца. За это время выявляется заинтересованность в работе, серьезность выбора, отношение к участию в хоре (посещаемость, дисциплина, другие качества), степень освоения проходимого репертуара. Отсев, в общем, незначителен.

Причина ухода чаще всего — несерьезность самого решения петь в хоре или случайные житейские обстоятельства. Впрочем, бывает и неверие в то, что сможет догнать подвинутый хор с обширным репертуаром. Чтобы поддержать дух сомневающихся, приводим примеры поступивших в прошлые годы и догнавших ветеранов. И это нередко убеждает.

Степень подготовки вновь поступающих очень различна. Приходят когда-то учившиеся музыке и знающие ноты, приходят окончившие музыкальные учебные заведения, приходят не имеющие представления об элементарной музыкальной грамоте. Здесь большая сложность, так как хор уже давно поет в основном по партитурам. Но мы все время организуем новые группы для ознакомления с музыкальной грамотой и сольфеджио. Ведут эти занятия добровольцы из хора, иногда делаю это и я. К новичкам обычно прикрепляются шефы из опытных участниц хора, а в последние годы и практикантки — студентки института культуры. И новички, быстро догнав остальных, остаются в хоре. Внимание руководителя и товарищей к новеньким в коллективе, может быть, для них важнее всего. Они видят, что о них думают, заботятся, что не только им нужен хор, но и они нужны хору.

Стараясь чаще беседовать с новичками. Спрашиваю: «Ну как вы себя чувствуете в нашем коллективе? Трудно? Ничего, скоро привыкнете. Вы с кем-нибудь уже познакомились? Нет? Давайте я вас познакомлю с Н. или с Т.»

К выступлениям вновь поступившие допускаются, или, можно сказать, привлекаются, постепенно. Сперва они поют не более двух-трех произведений, затем диапазон участия расширяется. Но, как правило, в выступлениях могут участвовать только отлично знающие всю программу, сдавшие хоровые партии.

Участие в концерте не только большая душевная радость, но и общий труд: каждый отвечает за общий успех.

Внимательно слежу еще и за тем, чтобы вновь поступившие ближе знакомились со всеми участниками хора, не обособлялись в группки. Важно не только обучать хоровому пению, но и создавать здоровую товарищескую атмосферу, чтобы коллектив рос и развивался, чтобы в нем крепло чувство ответственности за работу своего хора, за судьбу хорового дела в стране, в своем городе и т. д. Поэтому стремлюсь воспитывать у своих хористок чувство общности с другими хорами.

Этому служат объединенные выступления хоров, их общие репетиции, поездки в другие города, дружеские связи между хорами, обмен репертуаром, посещение концертов других хоров, подготовка коллективных приветствий в связи с юбилеями, помощь менее подготовленным любительским коллективам. Сейчас расширяется связь самостоятельных хоров с вузами. В нашем хоре проводятся госэкзамены института культуры и музыкальных учебных заведений Ленинграда, практика студентов. Хотя это несколько нарушает ритм занятий, участницы хора понимают, что они помогают подготовке кадров хормейстеров.

Помимо совместных выступлений с другими хорами, мы освоили новый вид сотрудничества: в отчетном концерте в зале Академической капеллы наш женский хор исполнил три произведения с двумя камерными оркестрами — вокально-инструментальным ансамблем Дворца культуры имени В. Капранова (руководитель В. Аскенази) и народным коллективом — камерным ансамблем Дворца культуры имени В. И. Ленина (руководитель А. Левинсон). Слушатели приняли это несколько необычное выступление с интересом.

Вот уже второй год живет и развивается пока еще небольшой, но жизнеспособный хор-спутник в общности производственного объединения «Скороход» в Московском районе. Руководит им участница нашего хора с 1952 года и его солистка Ю. Гольдовская. В Московском районе, где находится наш Дворец культуры, занимаются с разными хоровыми коллективами еще семь наших участниц. Так многообразно осуществляется участие женского хора в развитии хорового искусства своего района, города. Коллектив чувствует себя частью общего нужного дела. А это воздействует на нравственность людей больше, чем что бы то ни было другое.

Необычайно важным в воспитательной работе с самостоятельным хором считаю общение участников коллектива вне занятий и концертов.

Интересно проходили у нас «творческие портреты» хористок, показавших свою работу, скажем, с детскими или взрослыми хорами. Проводим детские праздники, на которые приглашаем детей участников хора, семейные вечера отдыха с веселыми обзорами, капустниками, посещаем концерты, спектакли. Образуются дружеские связи внутри коллектива, отмечаются семейные праздники, организуются лыжные вылазки, экскурсии.

Дети участниц хора до сих пор не могут забыть, как они пели в детской опере «Гуси-лебеди» композитора Ю. Вайсберга несколько лет тому назад. С той поры ежегодно к 8 Марта дети хористок готовят концерт «Мы поздравляем наших мам». Кто играет на ролях, кто на скрипке, трубе, саксофоне, кто поет, танцует, читает стихи. На эти вечера приходят и папы, которые помогают готовить «номера».

Вся наша большая хоровая семья, с друзьями из других хоров Ленинграда, время от времени собирается на вечера отдыха, куда всех влечет удивительно теплая, душевная атмосфера, новые песенки, стихи и т. д. Всех радует очередной выпуск «оперетты» «О тех, кто в хоре». Хористки ждут его с нетерпением, предвкушая веселье, смех, выдумку. Нынешняя четырнадцатая «оперетта» называлась «Хору — 33». В ней участвуют все желающие, включая и членов семей...

Я всегда говорю своим хористкам: «Берегите свой «хоровой дом», чтобы каждый мог в него приходиться». Это ведь прекрасно, если у человека есть не просто самостоятельный коллектив, где он развивается и проявляет свои способности, а дом, в котором его жизнь делается богаче и осмысленнее, где его ждут и любят.

ДИСКО. ТЕКНИКА ИЛИ ПОСИ. ДЕЛКИ?

Г. БОГДАНОВ,
методист Всесоюзного Дома
народного творчества

В прошлом летние развлечения молодежи назывались в России «гуляниями» (в разных местностях их именовали по-разному: «пяточок», «улица», «вечерка»). Осенью и зимой «гуляния» заменялись «беседами» (посиделками, братчинами, досвитами, вечеринками).

На «гуляниях» и «беседах» местным хороводам, играм молодежь училась непосредственно во время исполнения: младшее поколение перенимало их у среднего, среднее — у старшего. Песни, танцы, игры развивались, обогащались, в них вносились поправки, связанные с изменениями в быту, труде, нравах, вкусах.

В обычае «совместных увеселений» сосредоточивался богатейший народный опыт нравственного и эстетического воспитания подрастающего поколения. В играх, хороводах, танцах отражались требования к поведению человека, выражающие идеал народа: любовь к труду, к родной природе, уважение к старшему поколению...

Оговорюсь заранее, я не склонен лишь превозносить давние обычаи: многое отжило свой век, а с некоторыми бытующими кое-где пережитками прошлого необходимо решительно бороться. Но в лучших фольклорных традициях, которые складывались веками, запечатлены глубокая мудрость, жизненный опыт многих поколений. Вот почему фольклор, это ценнейшее наше наследие, требует к себе самого бережного отношения.

Когда-то основой для сохранения и развития фольклорных традиций были относительная неизменность уклада жизни, постоянство состава деревенского населения, стабильность отношений в обществе и быту.

В наше время весь этот уклад во многом разрушился. Возросла мобильность сельского населения. Быт людей разительно изменился. «Гуляния» и «беседы» почти повсеместно прекратили свое существование. Но фундамент, на котором держатся фольклорные традиции, не пошатнулся. Этот фундамент — наша память, наша любовь к истории, искусству,

прошлому своего народа, духовное родство его поколений.

Где бы ни жил наш современник — в городе или деревне — в своем быту он сохраняет какие-то черты быта, традиций своего народа. Это находит отражение в содержании досуга, в культурных запросах людей. Многие клубные работники учитывают это, в немалой степени способствуя сохранению и продолжению народных традиций через создание фольклорных коллективов, организацию танцевальных и других вечеров, объединений по интересам.

Фольклорный танец — красивейшая народная традиция. Он просто и естественно переходит от поколения к поколению — дети легко перенимают его у отцов, как те перенимали у их дедов, — и наша молодежь с удовольствием отплясывает и на танцах в клубе, парке, и на семейных праздниках, и в компаниях своих сверстников. Этот танец является украшением клубного бала или вечера. Часто, любясь народной пляской, я думаю — все ли мы делаем для того, чтобы современный танцевальный вечер способствовал сохранению и развитию этой красоты, этой прекрасной традиции? Мне пришлось побывать на танцах во многих клубах, и я должен с сожалением отметить, что еще далеко не везде отрешились от скептического, недоверчивого, а порой просто пренебрежительного отношения к танцевальному фольклору.

Не могу забыть встречу с одной заведующей сельским клубом в Ярославской области. Рассказывала она, как «наводила порядок в культурной жизни села»:

— Пришла в клуб и перво-наперво запретила молодежи плясать в клубе кадрили, ланце и тому подобное.

— Почему? — спрашиваю.

— Увлекаются ребята, начинают частушки петь... Потом — эта гармошка. Прimitивно.

Вот так взяла да и отвадила гармошку!

Мне могут сказать: случай не характерный, не типичный. Может быть, но... Несколько лет я работал в Краснодарском институте культуры. Примерно половина поступающих к нам на хореографическое отделение — выпускники культурно-просветительных училищ, специалисты, от которых на местах в значительной мере зависит, будет ли жить местная фольклорная традиция на танцевальных вечерах и естественно передаваться от поколения к поколению или же, выдворенная на задворки, она лишь время от времени будет напоминать о себе в дни больших празднований в выступлениях отдельных «не в меру развеселившихся» любителей старинушки.

Часто доводилось беседовать с абитуриентами и студентами о фольклоре, выявлять их знания местного (откуда они прибыли) народного творчества. И что же? Подавляющее большинство имеет весьма туманное представление о фольклоре.

В той же Ярославской области был у меня такой случай. Написал мне из района руководитель танцевального коллектива (он когда-то окончил местное культурно-просветительное училище). Приезжайте, пишет, помогите. Репертуар, какой знал, уже поставил. А что дальше делать, не знаю. Хоть бросай работу. Поехал я к нему. Сидим дома, разговариваем. Советую ему заняться изучением местного фольклора и обработкой его для сцены. Рассказываю, что буквально несколько лет назад в их районе столичные фольклористы записали ряд интереснейших самобытных местных народных танцев, игр, хороводов. Его мать, слушавшая наш разговор, подтвердила: «Приезжали здесь из Москвы. Меня агитировали... Вместе с товарками показывала им наши танцы». Сын и не подозревал, что его родная мать — известная в округе хранительница и исполнительница местного фольклора. Вот вам и специалист, призванный развивать народные традиции!

Доводилось сталкиваться с людьми, которые с уважением произносят имена известных балетмейстеров (Т. Устиновой, Н. Надеждиной, О. Князевой, М. Чернышевой, Я. Коломейской и других), восхищаются собранными и обработанными ими народными танцами и тут же в разговоре пренебрежительно отзываются о местных фольклорных танцах, либо вообще не проявляют к ним никакого интереса. А жаль! Их окружают не менее интересные народные танцы, а, может быть, и более интересные.

В «увеселениях» прошлого было много ценного и поучительного, что полезно знать и использовать современному клубному работнику.

На «гуляниях» и «беседах» главный участник и инициатор — молодежь. Молодежь и в клубе основной участник танцевальных вечеров. Однако если раньше молодые люди сами организовывали свои развлечения, сами решали, что и как им делать, сами следили за порядком, то нынче танцевальные вечера для них организует и устраивает клубный работник. Молодые из хозяев вечера невольно превратились в гостей. Они платят за входные билеты деньги и ждут, чтобы их «увеселяли». Вряд ли нужно доказывать, что ничего хорошего в этом нет: потребительство в сфере досуга формирует в людях отчужденность по отношению к клубу, притупляет чувство коллективизма и инициативу.

Обычай объединения жителей села: на «гуляния» или на «беседу» собирались обычно в качестве зрителей и не участвующие в них пожилые женщины, старики. Они любовались «гулянием» молодых. Если кто-нибудь из молодежи вел себя на «гулянии» не так, как того требовали общепринятые нормы, вокруг него моментально создавалось общественное мнение. Отправляя на гуляние дочь или сына, родители строго напутствовали: «Гуляй, но гляди, чтобы худая-то весть наперед тебя не пришла!» От участников «гуляний» и «бесед» особой одаренности петь, плясать не требовалось. В хороводах, играх, танцах каждый пел, играл, танцевал как умел. Но при этом каждому нужно было уметь держать себя в обществе, быть естественным и почтительным в обращении с другими. За этим строго следила и сама молодежь, и присутствующие на «гулянии» взрослые и старики.

Иногда говорят, что теперь молодежь пошла другая и для нее нужно устраивать особые молодежные вечера, молодежные гуляния, молодежные кафе и т. д. Но несколько лет назад я присутствовал на вечере в селе Калинино, Никольского района, Вологодской области, на котором после демонстрации кинофильма зрители — не только молодежь, но и пожилые люди — расставили стулья и скамьи вдоль стен, освободив середину зала и стали танцевать — вначале под радиолу, затем кто-то принес гармонь. Начали плясать местную кадрили на двадцать два «колена». Каждое «колено» (фигуру) плясали поочередно небольшими группами. На всех желающих не хватало места. После кадрили «завели» «Чижа» — виртуозную, полную импровизаций пляску с частушками. Не было тогда в клубе скамеек. Зрители своими репликами, замечаниями подбадривали танцующих, подпевали, одобряюще хлопали удачным импровизациям — создавали доброжелательный праздничный фон. Участвовали все, никто не чувствовал себя лишним.

Подобные вечера я наблюдал и в других областях: Ярославской, Костромской, Горьковской. На них всюию убеждаешься, что современная молодежь не чурается старины. Наоборот, с удовольствием исполняет местный традиционный танцевальный фольклор. Довольно часто на танцплощадках в перерывах между танцами, когда не играет музыка, юноши и девушки самостоятельно затевают игры в «ручеек», «третий лишний», в «догонялки» и другие. Назад зовете, в старину? — могут возразить мне. Нет, не назад зову. Я вовсе не отрицаю моды на современные ритмы, современные танцы. Но одно другое вовсе не заменяет. «Стесняясь» старины, клубы сами вольно или невольно навязывают молодежи представление, что современные музыка и танцы — это модно, а кадрили и «ручеек» — чуть ли не признак отсталости и примитивизма.

Немаловажную роль в сохранении и утверждении местных фольклорных традиций призвана играть художественная самодеятельность. В большей степени это относится к фольклорным, этнографическим коллективам. В своих выступлениях они показывают сцены из народного быта, обряды, обычаи, знакомят зрителей с традиционными фольклорными песнями, танцами. Их концерты, особенно на местах, проходят всегда с большим воодушевлением. Интерес зрителей к местному народному творчеству, к фольклорным традициям возрастает.

Помню, в селе Курба Ярославской области во время выступления местного фольклорного коллектива песня «Как у Курбы-села» была подхвачена всеми сидящими в зале, а после концерта молодежь лихо отплясывала кадрили.

Иногда танец, созданный в самодеятельном коллективе для концертных выступлений, становится фактом бытовой хореографии. Так произошло с «Пляской четырех подруг» в селе Измоденово Свердловской области. Четыре девушки — энтузиастки местной самодеятельности подготовили для смотра танец на местном фольклорном материале. Их пляска была воспринята жителями как своя, родная. Ее стали исполнять в быту во время празднеств, гуляний.

Любопытный случай произошел в городе Ирбите той же области. Народный коллектив, ансамбль русского уральского танца Дворца культуры «Современник» Ирбитского мотоциклетного завода, для праздников торжественного бракосочетания своих участников придумал величальный «Хоровод-поклон». Его заметили местные жители. В коллектив стали обращаться с просьбами исполнить «Хоровод-поклон» на той или иной свадьбе. Заинтересовалось им и Свердловское телевидение. Теперь «Хоровод-поклон» традиционно исполняется на комсомольских свадьбах.

Особая проблема — как создать на основе местного традиционного танцевального фольклора современные массовые танцы. Опыт в этом деле у хореографии кое-какой есть, но он скорее отрицательный, нежели положительный. Можно назвать сейчас с десяток местных танцев, созданных на основе фольклора, например, смоленский «Гусачок», «Яро-

славский снежок», «Бийчаночка» и другие. На конкурсах во время показательных выступлений их представляли местные коллективы балльных танцев. Но ни один из этих танцев не стал «хозяином» местных танцплощадок. Более того, они даже не вышли за пределы того коллектива, в котором созданы. В чем причина?

Мне кажется, одна из причин заключается в том, что танцы эти, хотя и построены вроде бы на местном фольклорном материале (в них использованы местные движения, музыка, манера исполнения), не имеют главного, что характерно для народного танца. Подлинно фольклорный танец дает исполнителю богатую возможность для самовыражения. В пределах традиционного, общепринятого исполнитель сам подбирает полюболюбившие ему движения. Они доступны для него. Танцующий импровизирует. Он не скован в выражении эмоций, ведет себя в танце совершенно естественно. Простота, разнообразие элементов танца, их доступность, демократичность выбора средств, широкие возможности для самовыражения исполнителя — вот, пожалуй, основные черты подлинно фольклорного танца.

Но, все это отсутствует в упомянутых современных балльных танцах. В них все — движения, композиция, манера исполнения — стандартизировано. Ратая на словах за народный стиль, балетмейстеры балльной хореографии в качестве образцов для подражания избрали созданные в начале века салонные танцы типа падеграс, падеспань и другие. Причем до сих пор никто не обратил внимания, что русская деревня, заимствовав эти танцы из «салона», переделала их по своему (как в свое время — французскую кадрили, лансье, польку), превратила их в национальные фольклорные танцы и по манере исполнения, и по композиции (в каждой местности они имели свою композицию), и по движению — то есть по своему методу. А искренние стремления восстановить и использовать эстетические принципы танцевального фольклора в современных бытовых формах, к сожалению, часто строятся на базе случайного знакомства с народной танцевальной культурой. От этого все беда.

Я уже не говорю о том, что подавляющее большинство современных балльных танцев, начиная от знаменитого «Русского лирического» и кончая «Сурскими ритмами», не могут принадлежать собственно бытовой хореографии по той причине, что они не учитывают специфику жанра. Они — маленькие сценические танцы. Ими можно любоваться со стороны, но танцевать для себя, для души — едва ли: они скучны своей монотонностью, однообразием.

Наши создатели новых балльных танцев часто сетуют на моду. Да, теперь в моде биг-битовые ритмы. В последнее время в ходу, как его называют, «новомодный стиль», когда молодые люди танцуют не парами, а группами, при этом каждый импровизирует по-своему. Стиль этот вызывает резкое неприятие со стороны многих взрослых, в том числе хореографов. Я же ничего плохого в нем не вижу. Да так ли он нов, этот стиль?

Обратимся к истории. Из «игрищ между

селя», о которых сообщали древние летописцы, постепенно выкристаллизовались хорюды. С конца XIX века хорюды начинают вытесняться кадрилию и ланце. Причем если в хорюдах преобладало коллективное действие, то в кадрилиях и ланце ячеейкой танца выступает уже небольшая группа танцующих, а точнее, две пары визави. Следующий этап развития бытовой хореографии — парно-массовые и парные танцы. В них ячейка танца — пара: юноша и девушка. Наконец, в современных бытовых плясках наиболее ярко проявляется индивидуальность каждого отдельного исполнителя. Где-нибудь на гулянке, на свадьбе пляшут все группой, но каждый делает свои излюбленные «коленца». Разве по структуре это не похоже на новомодный стиль?

Почему-то считается, что современная молодежь танцует по принципу «кто во что горазд», импровизирует, как кому заблагорассудится. Это неверно. Наблюдения показывают, что импровизации на танцплощадках имеют определенную закономерность. От сезона к сезону меняются ритмы, движения танцев, манера и характер исполнения. Вспомним чарльстон, рок-н-ролл, буги-вуги, твист, боссонова, шейк, биг-битовые ритмы — волна за волной. В этой связи любопытен один разговор. Девушка жалуется подруге: «Месяц не была на танцах. Не знаю, что там сейчас танцуют». Если бы на танцах танцевали «кто во что горазд», девушка, вероятно, не беспокоилась бы, что отстала от моды. Увы, танцплощадка живет по своим законам, о которых мы пока что мало знаем. И репертуар ее — явление далеко не случайное. Он тоже принадлежит фольклору. И не хаять его, а изучать надо!

Создание массовых современных танцев на местном танцевальном фольклоре — дело чрезвычайно трудное. Недостаточно взять местную народную мелодию, построить композицию на местном материале, придать танцу местную манеру исполнения. Надо серьезно изучать танцевальную традицию, старину и современную, проникая в ее смысл и дух. При этом необходимо не слепое следование старым образцам, равно как и не голое отрицание прошлой хореографии.

Вспомним знаменитое изречение М. И. Глинки: «Музыку создает народ, а мы, композиторы, только ее аранжируем». Это в полной мере относится и к бытовой хореографии. Люди сочиняют танец постоянно, каждодневно. Надо только внимательно собирать и изучать их творения. Выбирать наиболее интересное, самобытное, талантливое, обогащать его профессиональным опытом, современной модой и вновь возвращать народу. На мой взгляд, это единственно верный путь.

Народные традиции, фольклор в клубе — на танцевальном вечере, посиделках, в художественной самодеятельности — не отсталость, не приверженность к старине и не экзотика. В сочетании с чутким и разумным отношением ко всему новому, современному — они здоровая и плодотворная основа нравственного и эстетического воспитания людей.

ШКОЛА ПОПУЛЯРНОЙ МУЗЫКИ

Выпуск третий № 18. 1978

В 1965 году в мировом «фолкническом»* движении происходит резкий сдвиг. Простые гитары начинают заменяться электрическими; вчерашние барды-одиночки все чаще выступают в сопровождении эстрадных групп — тех самых, которые еще вчера были проклинаемы и отвергаемы «народниками» как сугубо коммерческие. Возникает новый эстрадно-народный стиль — фолк-рок.

Надо сказать, что шаги навстречу друг другу были сделаны с обеих сторон. Если Боб Дилан стал выступать вместе с канадским ансамблем «Бэнд» и записал прекрасную рок-балладу «Как катящийся камень...», то многие ансамбли, в свою очередь, начинают интересоваться народным материалом. Этот взаимный интерес значительно обогатил оба исходных стиля. Року открылись тонкая поэтичность фолка, неизвестные ему ранее изящество и хрупкость, изысканная простота народных мелодий. Артистам же фольклорного направления — возможность широкого эксперимента в области музыкальной формы, тематики песен, нового сложного инструментария, а главное — выход на гораздо более широкую аудиторию. Ведь если у фолка были сотни тысяч поклонников, то у рока, эстрадных групп — десятки миллионов. И вот все эти миллионы начинают прислушиваться к прежде малознакомому им народному звучанию, донесенному до них фолк-роком... Мало того. Именно в исполнении эстрадных ВИА молодежь часто впервые узнает народное творчество собственной страны — прежде фольклор ее совершенно не интересовал.

Но вернемся в шестидесятые годы. Изю всех многочисленных гибридов народного стиля с рок-музыкой наиболее стойкими оказались три течения. Первое — балладное, самое близкое к традиционному песенному фолку. Лидером здесь остался Боб Дилан, но можно назвать и целый ряд других певцов, не уступавших ему по уровню: американцев Джеймса Тейлора, Пола Саймона и Арта Гарфанкела, канадца Нила Янга, англичан Джона Мартина и Роя Харпера. Все они были не просто певцами, но и отличными поэтами. Однако музыкальная «подкладка» их песен становится более сложной и современной — например, в гармоническом языке их песен появляются такие обороты, каких не встретишь в подлинной фольклорной балладе...

Второе, не столь заметное направление, можно было бы назвать этнографи-

Первая сторона второй пластинки: «Урожайная»

Звуковой материал, помещенный на этой пластинке, адресован прежде всего работникам сельских клубов и может быть использован на праздниках урожая, вечерах-чествованиях передовиков, вечерах отдыха хлеборобов и механизаторов.

На пластинке звучит музыка И. Дунаевского, стихи лауреата Ленинской премии А. Прокофьева, фрагменты песен А. Пахмутовой и Н. Добронравова «Шумят хлеба», Р. Майорова и В. Харитонова «Люблю тебя, земля», В. Мигули и Н. Зиновьева «Хлеборобы». Исполнители: Г. Белов, В. Мулерман, вокально-инструментальный ансамбль «Акваполи».

Вторая сторона второй пластинки: «Школа популярной музыки»

Вы услышите две записи, представляющие широко распространенный стиль современной эстрады фолк-рок. Первая песня — «Вдаль» — звучит в исполнении английского ансамбля «Джетро Талл». Вторая — фрагмент свадебного эпизода из оперы-притчи В. Мулявина «Песня о доле». Исполняет вокально-инструментальный ансамбль «Песняры».

ческим. Молодые музыканты, используя, с одной стороны, новейшие, а с другой — забытые старинные музыкальные инструменты, пытаются воссоздать народное искусство прошлого. Этот стиль фолк-рока не ставил, впрочем, перед собой целей научно точной достоверности, пытаясь скорее актуализировать народное искусство — оживить его форму, точно передать дух и в таком виде сделать его достоянием молодого поколения. Составы такого рода появляются в конце 60-х годов в разных странах мира — достаточно упомянуть француза Алена Стивеля и его группу, ирландский ансамбль «Хорслипс», английский «Грифон» и, конечно, наших «Песняров»...

Третье течение можно было бы назвать «авангардным» стилем фолк-рока. Это ансамбли, в которых народная музыка входит как важнейшая составляющая в сложную синтетическую форму с использованием средств симфонической музыки, джаза и электроники. К числу таких произведений относится, например, 50-минутная сюита англичанина Майка Олдфилда «Цилиндрические колокола». В этом же стиле выступают группы Марекса Грехуты (Польша), «Премията Форнерия Маркони» (Италия) и «Анж» (Франция). Но, наверное, наиболее типичным представителем этого стиля следует все же назвать британский ансамбль «Джетро Талл».

В творчестве вокально-инструментальных ансамблей СССР фолк-рок, во всех его трансформациях, стал ведущим стилем. Так, популярные «Песняры» — это типичные представители усложненного этнографического направления в фолк-роке... Еще более типичный представитель этой же усложненной манеры — самодеятельный рижский ансамбль «Менуэт». Группа «Ариэль» из Челябинска — пока, к сожалению, единственный состав, серьезно обратившийся к русскому фольклору, — также постепенно эволюционирует от более простых этнографических композиций к песенным операм («Сказание о Емельяне Пугачеве»). Совершенно необычным, с трудом поддающимся классификации явлением стал новый цикл А. Градского «Русские песни», созданный по мотивам подлинных крестьянских песен, записанных автором во время фольклорных экспедиций в Рязанской области.

На звуковых страничках нашей гибкой пластинки вы услышите две записи: первая принадлежит английскому ансамблю «Джетро Талл», вторая — отрывок из притчи «Песня о доле» «Песняры».

А. Троицкий

анатомия шлягера

Р. ПАУЛС,
композитор, художественный
руководитель ансамбля «Модо»

Народному артисту Латвийской ССР, лауреату Государственной премии Латвии, лауреату премии Латвийского комсомола Раймонду Паулсу 42 года. Музыкальную карьеру он начинал в 50-е годы как джазовый пианист, затем окончил композиторское отделение Рижской консерватории. Автор ряда симфонических, хоровых и камерных произведений, Паулс активно работает и в области эстрадной песни. Как показала наша анкета популярности „9 × 3“ (см. „НХС“ № 9 за 1978 г.), Р. Паулс — шестой в списке наиболее популярных композиторов года, а его песня „Последний лист“ — вторая в списке мелодий года. Широкой известностью пользуется и возглавляемый им эстрадный ансамбль „Модо“.

С Раймондом Паулсом беседует наш корреспондент Аркадий Петров.

Корреспондент.

Еще вчера все было ясно: вот песня массовая, вот эстрадно-танцевальная, вот бытовая, вот праздничная... А сегодня размывание этих незыблемых прежде жанровых границ происходит прямо на глазах. Отдельные элементы, приемы, интонации проникают, «просачиваются» из жанра в жанр. И тогда появляются новые «сплавы», когда гражданственность может быть негромкой и сугубо личной, лирика — гимнической, а, скажем, массовая песня — остро ритмизированной...

В чем, по вашему мнению, различие между песней сегодняшней и песней, звучавшей 10—15 лет тому назад?

Р. Паулс.

Вы правы — диффузия происходит. Но главное — в песню пришли новые мысли и чувства, настроения и образы. Некоторые из них вообще не встречались раньше в песне, они перешли сюда из симфонической и камерно-вокальной музыки, из большой поэзии... Возник примечательный парадокс: искусство, являющееся наиболее массовым, трансформировалось в ряде случаев в искусство, требующее пристального и глубокого вслушивания. Многие песни стали глубже, сложнее по музыкальному языку, они как бы соревнуются с классическими романсами, ариями, оперными сценами. Наконец, во многом изменились и сами технические средства воплощения и распространения песни — сегодня она все чаще создается не для живого исполнения, а для записи с помощью сложнейшей звукоаппаратуры.

Все эти общие соображения неизбежно приходят в голову, когда пытаешься осмыслить такие явления, как массовая песня, вокально-инструментальная композиция, эстрадная песня. Когда-то живое исполнение было единственно возможной формой бытования песни, поэтому и писать надо было ярко, но в то же время просто, доступно, рассчитывая на уровень среднего исполнителя-любителя. Сейчас музыкальная грамотность во много раз выше, миллионы людей имеют радиоприемники и магнитофоны... Думаю, что сегодняшней массовой песней является не только хоровая под духовой оркестр, а и эстрадная — сольная или ансамблевая.

Огромное значение имеет сегодня также жанр эстрадно-танцевальной песни, являющейся, по моему мнению, разновидностью музыки отдыха, музыки «хорошего настроения», жанр шлягера.

Корреспондент.

Думается, что вокруг этого термина у нас порядочно напутано. В целом слово это приобрело негативное значение. Многие считают, что шлягер — это что-то примитивное, пошлое...

Р. Паулс.

Я совершенно с этим не согласен. Почему шлягер это обязательно плохо? Я, например, был в прошлом году на эстрадном конкурсе в ГДР и назывался он «Шлягер-фестиваль». Вообще, само слово это происходит от немецких «шлаген» — бить, «шлаг» — удар. То есть шлягер — это попросту «ударный номер», песня, получившая особенно широкую популярность.

Кстати, такие наиболее удавшиеся эстрадные мелодии, которые все напевают и насвистывают, за рубежом называют английским термином «хит». Он уже получил распространение в музыкальной среде и у нас. Даже Всесоюзное радио иногда проводит «хит-парады»...

Корреспондент.

Но ведь каждый композитор, работающий в области эстрады, наверное, и стремится написать такую песню, которая понравилась бы миллионам слушателей, стала такой вот особенно популярной. Вы не знаете рецепта, как пишутся такие мелодии?

Р. Паулс.

Увы, таких рецептов не существует. Ни один композитор не знает заранее, удастся ли песня, будут ли ее петь. И если такая песня получается, композитор, конечно, счастлив!

Правда, некоторые композиторы стремятся «угадать» этот будущий шлягер, стремятся написать такую песню, которая легко бы запоминалась, была несложной по форме, избегала бы трудных мелодических оборотов, скачков в мелодии, сложных ритмов, тональных сдвигов. Таких великих песен, увы, более чем достаточно, и именно из-за них существуют нарекания на жанр.

Со своей стороны скажу, что хотя броскость, запоминаемость суть важные атрибуты шлягера, очень многие из популярных мелодий имеют достаточно сложные структуры. Например, лет десять тому назад появилась песня А. Мажукова «Все до поры», трудная по мелодии, с тональными смещениями, в общем, песня, которую непрофессионалу даже трудно спеть. И тем не менее как раз эта песня стала «гвоздем сезона» 1967 года. Из недавних примеров — успех пластинки Тухманова «По волне моей памяти». Почти все ее песни трудны и по образу, и по ритмам, и по интонационным оборотам — но все эти трудности не помешали огромной популярности диска.

Мой вывод: угадать шлягер, подделаться под него нельзя. Эстрадная песня — творчество. Каждый раз здесь надо совершить какое-то открытие — как ученым, открывающим новый закон природы...

Корреспондент.

Но все же учитываете вы какие-то объективные факторы? Например, при всем усложнении языка сегодняшней песни автор всегда стремится к тому, чтобы она была доступна возможно более широкому кругу исполнителей — как профессиональных, так и самодеятельных. И тогда вряд ли, например, стоит писать песню, диапазон которой в две с половиной октавы. Ведь ее сможет осилить даже и не всякий профессиональный певец — внизу он будет «давиться», а в верхнем регистре его голос сорвется...

Р. Паулс.

Всегда важно — кто твои первые исполнители. Я, например, работаю с четырьмя певцами своего ансамбля «Модо» и знаю, что могу написать мелодию в полторы-две октавы, потому что один из этой четверки может все это спеть. Но у меня есть и другой певец, у которого хорошо звучит диапазон приблизительно с октаву; ему я должен писать именно в этом выгодном для него звуковом отрезке.

Есть и еще один момент: у каждого народа — свои музыкальные традиции. Есть национальные музыкальные культуры, в которых преобладает минор. В Прибалтике больше популярны песни мажорные, идущие от жанров польки и марша. Такова традиция, и я не вправе ее не учитывать.

Корреспондент.

А как вы работали над песней, которая уже стала популярной, — над «Последним листом»?

Р. Паулс.

Откровенно говоря, не могу сейчас даже точно припомнить. Обычно я сочиняю, сидя дома у рояля, набрасываю контуры какой-то мелодии в специальную тетрадь, потом все это откладываю и стараюсь забыть. Это еще не песня от начала до конца, а лишь ее идея. Через месяц опять «вспоминаю» и на этот раз пытаюсь воспринять ее, как слушатель. Если мне самому нравится, то начинаю работать всерьез. Вот так, приблизительно, было и с песней «Последний лист».

Помню, что когда впервые принес эту вещь в «Модо», то на лица музыкантов появились ехидные улыбки (это в музыкальном мире умеют делать превосходно). Потом что-то стало выходить, и все же я был очень удивлен, что на концертах у нее был такой успех... Наконец был сделан русский перевод, и песня понеслась по эстрадам страны.

Корреспондент.

А сейчас — о музыкальных путешествиях в прошлое. Я имею в виду модный сейчас стиль «ретро», основанный на воскрешении забытых эстрадных стилей начала века, 20—30-х годов. Откуда это тяготение к музыкальным вкусам эпохи наших бабушек и дедушек?

Р. Паулс.

Мне кажется, в этом есть какая-то неосознанная реакция на чрезмерный техницизм эстрады, обилие электроники. И вот начинают звучать ритмы танго, дискленда, старого свинга, воскрешают доджазовый архаический рэгтайм, выпускают переиздания пластинок 20—40-х годов с записями раннего Утесова, Цфасмана, Минха, Кнушевицкого, Варламова...

Все это, быть может, звучит смешно и наивно, но в этой музыке есть что-то такое, чего нет в музыке сегодняшней: особого рода раскованность, лиризм, человечность...

Я тоже часто обращаюсь к разным ретроспекциям. Например, на пластинке, которая вскоре появится в продаже, несколько вещей тоже будут звучать в духе тридцатых годов. Но, конечно, я так писал специально...

Корреспондент.

Насколько я понял, ваши песни рассчитаны на конкретных исполнителей. С кем вы работаете сейчас, и кто пел в «Модо» раньше?

Р. Паулс.

В прошлые годы я работал с такими солистами, как Нора Бумбиере и Виктор Лапченко, которых сменил Ояр Гринберг и Маргарита Вилцане. Сейчас у нас в ансамбле появилась способная певица Мирдза Зивере. И вновь я сочиняю, рассчитывая именно на ее манеру, на ее вокальный аппарат. Так было всегда: я находил этих парней и девушек, приглашал в ансамбль, который становился для них школой, творческой лабораторией. Я всегда знал, что эти ребята могут и что у них пока не получается...

Сейчас в «Модо» вновь молодежь — наряду с Мирдзой Зивере это певица Рита Мадри и два парня — Жорж Сиксна и Владимир Сысов. Все они выходцы из самодеятельности и всем им предстоит еще очень и очень много работы...

Корреспондент.

Я заметил, что в Прибалтике, в частности в Латвии, нет резкой, непреходимой грани между профессионалами и самодеятельными артистами. Между этими двумя сферами происходит постоянный обмен людьми и идеями. Причем вовсе не всегда любители становятся профессионалами, бывает и наоборот — профессиональные артисты переходят в самодеятельные коллективы. Это — сообщающиеся сосуды...

Р. Паулс.

Да как же может быть иначе? Музыканты-любители — это наш естественный резерв, тем более что в Латвии нет пока еще эстрадных факультетов в музыкальных училищах, как в Москве, Ленинграде и других городах Российской Федерации. И я все время ищу пополнения именно в самодеятельности. Я недаром сижу без конца во всяких жюри — каждого интересного певца или музыканта беру на заметку. И даже если нет никакого жюри, а просто мне говорят: «Раймонд, в таком-то городке или в таком-то сельском клубе смотри, на котором выступит хороший самодеятельный музыкант», — я бросаю все дела и еду его слушать.

Корреспондент.

А сейчас такой вопрос: как вы относитесь к дискотекам?

Р. Паулс.

Я за любую форму, связанную со слушанием музыки. А во многих дискотеках слушают новые записи, анализируют их, интересно подают. Я бы в свободное время с удовольствием ходил в дискотеки и знакомился там с новинками эстрады. Мне это нужно. Ведь смешно получается: моя дочь, которой 16 лет, знает современную эстраду лучше меня, и я часто навожу справки по части популярности того или иного ансамбля или певца именно у нее.

Но должен, к сожалению, заметить, что интересных дискотечных программ очень недостаточно. Дискотека — это трудное дело, это своего рода театр звукозаписи, и заниматься ею по плечу далеко не каждому. Нет аппаратуры, нет пластинок, нет умения построить программу. Вот и получается, что дискотека, борясь с обычной танцплощадкой, часто становится на нее похожей...

Корреспондент.

Вы сказали, что не хватает пластинок, но мне хотелось бы уточнить — не хватает записей советской дискомузыки... Дискотеки работают в стране уже третий-четвертый год, а фирма «Мелодия» не дает им еще самого необходимого. Правда, в дискотеках звучат «Песняры», Жанна Бичевская, «Ариэль», Градский, можно назвать еще несколько имен или ансамблей. В общей сложности, это пять-семь часов звучания. А для дискотеки нужны сотни часов.

Какой должна быть, по вашему мнению, советская дискомузыка?

Р. Паулс.

Сейчас многие ансамбли используют для своих концертных надобностей элементы стиля «диско». Но все это для выступлений на эстраде. А ведь «диско» — стиль студийный.

Я просто хочу обратить внимание на очевидный факт: дискотеки существуют, и к содержанию их программ есть справедливые претензии. Но ведь не могут же организаторы дискотек подменить фирму «Мелодия»!

Если же говорить о том, какой будет наша дискомузыка, то ответ тут один: форма должна быть самой модной, новейшей, а содержание, интонационный слой — все это должно быть связано со всей многолетней традицией советской песни от Дунаевского до Пахмутовой и Фрадкина!

Со своей стороны скажу лишь, что до Нового года наш ансамбль обязательно запишет пластинку типа — «Модо» в ритмах «диско».

АРАНЖИРОВКА ДЛЯ ВИА

Выпуск шестой *

Ритмы стиля „диско“ (2)

В современной эстрадно-джазовой музыке часто встречаются сложные размеры — $\frac{5}{8}$, $\frac{7}{8}$, $\frac{5}{4}$, $\frac{7}{4}$, $\frac{9}{8}$, $\frac{11}{8}$, $\frac{15}{8}$ и т. д. Все они представляют собой комбинацию размеров $\frac{2}{4}$ и $\frac{3}{4}$, $\frac{2}{8}$ и $\frac{3}{8}$.

Хорошо организовать сложный размер — задача не простая, и от ее выполнения будет зависеть игра всего ансамбля. Необходимо продумать всю ритмическую конструкцию таким образом, чтобы она была логичной, художественно оправданной.

В данном примере размер $\frac{17}{8}$ — это комбинация такта на $\frac{9}{8}$ и другого такта на $\frac{8}{8}$. В этом втором такте после трех четвертей идет «подтакт» трех восьмых. Логика написания такого именно размера диктуется самим характером партии баса (написанного, кстати, по 12-тоновой системе — ни одна нота не повторяется).

В современных бит-ансамблях все еще живет ритм «шафл», бывший одним из наиболее распространенных в 30-е годы.

Его метрическая пульсация — триольные восьмые, а записывается он условно восьмыми с точками и шестнадцатыми нотами. А в аранжировке «шафл» может выглядеть так:

Конечно, рассказать о всех ритмических моделях, используемых в современной популярной и джазовой музыке, невозможно. Да это и не нужно, так как главное в аранжировке ритма — это соблюдение некоторых основных принципов сочетания инструментов ритм-группы, характерных тембров, выбор правильного темпа и стиля аккомпанемента. Характер ритма всегда должен находиться в согласии с мелодико-гармоническим характером темы, разрабатываемой ансамблем. Сейчас модно воскрешать старые мелодии и забытые песни 20—30-х годов, исполняя их в рок-аранжировках. Сама идея таких обновлений не вызывает сомнений — музыке всегда было

* Предыдущие выпуски см. в № 5, 8, 10, 14, 16 за 1978 г.

присуще интерпретировать вчерашний и даже позавчерашний мелодический материал с сегодняшних позиций. Но создание аранжировок подобного рода требует большого такта и художественного вкуса. Если выбранная аранжировщиком мелодия органически сочетается с современными ритмами и такое «обновление» художественно оправдано, то в результате получаются интересные, творчески полноценные произведения. Таких примеров можно привести немало: это и обработка «Марша веселых ребят» И. Дунаевского московским ансамблем того же названия под руководством П. Слободкина, и аранжировки народных песен ансамблями «Песняры» и «Ариэль», это обработки популярных мелодий Д. Гершвина и Г. Миллера бразильским композитором и аранжировщиком Э. Деодато, некоторые обработки классики симфонической музыки, сделанные американским аранжировщиком У. Мэрфи, и многое другое.

К сожалению, часто встречаются и неудачные примеры, когда современный ритм «привязывается» к мелодии без учета ее стилистических особенностей, характера музыкального образа. Такой формальный подход творчески бесплоден.

Ритм-группа может сыграть значительную роль и в образовании формы произведения. Так, например, вступление и связи между отдельными произведениями тем могут быть отданы ритм-группе.

Во вступлении ритм-секция задает настроение, подчеркивает характер произведения:

Drums

Guitar

Piano

Bass-guitar

C9^+

В приведенном примере острый, динамичный ритм «диско» у ударных и синхронизированный бас (фортепиано и бас-гитара) придали моторный, несколько мрачноватый характер вступлению (взято из аранжировки У. Мэрфи):

Drums

Guitar

Piano

Bass-guitar

Dmaj Wa-Wa Cmaj

$\text{Em}7/9$ $\text{F}\#m7/9$ $\text{Gmaj}7$ Dmaj

Приведенное выше вступление окрашивает все произведение в спокойные, созерцательные тона. Отметьте одну особенность — партия ударных до цифры 1 представляет собой основу аккомпанемента из 1, но без заполнения восьмыми палкой по хэту.

Этот прием используется во многих аранжировках — сначала обрисовать контуры будущего ритма, а затем, при вступлении мелодических голосов, перейти на «заполненный» ритм. При использовании ритм-секции для связок между частями произведения могут выполняться те же задачи, что и во вступлении, — создание настроения или обрисовка контура будущей ритмической структуры.

Почти все приведенные примеры записаны полностью, так, как они должны прозвучать. В тех случаях, когда аранжировщик пишет партитуру для незнакомого ему ансамбля, такой способ наиболее целесообразен. Но если оркестр или ансамбль уже хорошо знаком автору, то можно писать все партии в сокращенном виде, руководствуясь основной линией и основными акцентами для каждого инструмента. Например, партию бас-гитары можно записать следующим образом:

Em AD LIBITUM AD LIBITUM

В босса-нове партия гитары может быть записана без фигураций, а барабанщику можно написать рисунок только с основными акцентами. Заполнение такта «ad libitum» представляется в таком случае исполнителем. Но, повторяю, такие упрощения в записи можно делать только в партитуре для знакомого коллектива и при достаточно простом аккомпанементе.

Если автор ставит перед собою задачу создать новую ритмическую структуру, то все партии должны быть выписаны полностью.

Категорически недопустимо писать аккомпанемент таким, например, образом:

Drums

Guitar

Piano

Bass-guitar

Shake

A D $\text{E}7$

Col canto

Col guitar

Col bass-g

Col guitar

Если автору нужен простой рисунок аккомпанемента, то можно выписать только первый такт (или сокращенно, условно наметить акценты):

Drums

Guitar

Piano

Bass-guitar

A D

Col canto

Col guit

Col bass

Col guit

В партии фортепиано есть указание для переписчика «col canto» — то есть «выписать мелодию песни». Это необходимо для того, чтобы пианист, аккомпанируя «ad libitum», с первой же репетиции помогал солисту, импровизируя, заполняя паузы, подчеркивая, где нужно, мелодию и т. д.

Владение приемами аранжировки ритм-секции очень важно для начинающих авторов. Поэтому советую вам детально разобрать каждый приведенный пример, попробовать дописать начатый аккомпанемент и, по возможности, применить некоторые из указанных приемов для своих ансамблей. Проиграв эти аранжировки в своих коллективах, отметьте заинтересовавшие вас моменты и попытайтесь придумать свои собственные ритмические модели.

Эксперимент в области ритма совершенно необходим, так как зачастую именно новые ритмические построения влекут за собой находки в области гармонии, придают свежесть старым мелодиям, способствуют возникновению новых форм. Именно характер ритма в значительной мере влияет на формирование творческой индивидуальности ансамбля.

Выпуск семнадцатый

Г. ОБЛЕЗОВА,
наш спец. корр.

„В мире музыки“

АНОНС „МЕЛОДИИ“

Старинная песня — наш вклад, наше сокровище... Эти изумительные образцы творчества должны входить естественным и необходимым компонентом в самую атмосферу нашей культурной жизни, оплодотворяя и вдохновляя профессиональное творчество.

Г. Свиридов

В ближайших планах фирмы грамзаписи «Мелодия» — выпуск научно-художественного издания грампластинок с образцами записей музыки народов СССР неписьменной традиции. 20 пластинок будут разбиты на четыре комплекта по географическому принципу:

музыка неписьменной традиции РСФСР;

музыка неписьменной традиции Украинской, Белорусской союзных республик и республик Прибалтики;

музыка неписьменной традиции республик Закавказья и Молдавской ССР;

музыка неписьменной традиции Казахской ССР и республик Средней Азии.

В каждом комплекте — по пять пластинок.

Составители издания и авторы научных комментариев — преподаватели Московской государственной консерватории, музыковеды Д. Михайлов и И. Бродский вклю-

чили в звучащие диски лучшие образцы неписьменной музыки всех без исключения народов нашей страны (а их более 150), собранные и записанные во время многочисленных фольклорных и этнографических экспедиций.

В практике советской и мировой культуры подобных изданий еще не было. Новые грампластинки познакомят с основными стилями, жанрами и формами вокальной и инструментальной музыки, созданными отечественной музыкальной культурой.

Все 20 дисков серии «Музыка неписьменной традиции народов СССР» выйдут в свет в течение двух лет — 1979-го и 1980-го — и представят несомненный интерес как для руководителей и участников коллективов художественной самодеятельности, организаторов массовых праздников, фестивалей, учащихся народных университетов культуры, так и для всех любителей музыки.

Для каждого столетия, каждой эпохи характерна своя музыка. И грампластинки дают нам возможность как бы совершать путешествия во времени и пространстве. Причем маршруты этих путешествий могут быть самыми многообразными:

в средневековую Испанию, например. На пластинке С10-09849-50 хор Испанского радио и телевидения исполняет произведение испанского композитора Т. Л. де Виктория (1548—1611 гг.). Этот диск изготовлен по лицензии фирмы «Hispravo» (Испания);

в Австрию начала XIX столетия, на концерты для кларнета с оркестром К. М. Вебера: № 1 фа минор, соч. 73; № 2 мибемоль мажор, соч. 74. Исполнители В. Соколов и камерный оркестр Московской филармонии под управлением Л. Маркиза (С10-09593-4);

в Россию конца XIX столетия. Здесь Александр Скрябин закончил свое первое симфоническое произведение: Концерт для ф-но с оркестром фа-диез минор, соч. 20. На пластинке (С10-09833-4) этот концерт, а также написанная Скрябиным в 1889 году Фантазия для ф-но с оркестром фа минор звучат в исполнении лауреата международных конкурсов И. Жукова, Большого симфонического оркестра Центрального телевидения и Всесоюзного радио (дирижер М. Юровский) и Государственного симфонического оркестра Эстонской ССР (дирижер Н. Ярви);

и снова назад, в XVII век, в Англию. В 1689 году была создана первая английская опера «Дидона и Эней». Ее автор — П. Перселл. Сюжет взят из четвертой книги «Энеиды» Вергилия. На пластинки (С10-09693-6) оперу записали Ленинградский камерный хор и оркестр, дирижер

В. Нестеров. Солисты — Е. Гороховская, В. Козырева, Н. Калошин, Н. Вайнер, В. Гаген, Г. Павлова.

Путешествие во времени позволяет совершить и пластинка, которая получила название «В мире музыки» (С90-06613-14). На ней вы услышите шедевры русской и советской классики в исполнении выдающихся музыкантов нашего времени: Э. Гиллельса, Д. Ойстраха, С. Рихтера, Л. Когана, Т. Хренникова, Государственной республиканской академической русской хоровой капеллы имени А. Юрлова, дирижеров Е. Мравинского, Е. Светланова, К. Кондрашина, А. Хачатуряна, Д. Шостаковича. Произведения, вошедшие в этот диск, дороги каждому любителю музыки: увертюра к опере Глинки «Руслан и Людмила», финал Первого фортепианного концерта Чайковского, вступление к третьему действию балета «Раймонда» Глазунова, рондо из Второго концерта для ф-но с оркестром Т. Хренникова...

О скрипичном концерте А. Хачатуряна (его финал также представлен на этой пластинке) музыкальная критика писала, что он «излучает счастье». Концерт создавался в 30-е годы, годы первых советских пятилеток, невиданных ранее подвигов шахтеров и строителей, ткачей и сталеваров, полярников, летчиков, моряков, ученых, геологов... Прекрасные «будни великих строек» рождались в литературе, музыке, театре, живописи героические образы. Скрипичный концерт А. Хачатуряна — как бы музыкальное воплощение радостной атмосферы тех лет, ощущения оптимизма, бодрости, веры в еще более счастливое будущее. Это музыка виртуозная, щедрая, выросшая из вдохновенных армянских народных импровизаций, из кавказской танцевальной стихии, из пленительной, грациозной лирики. Между прочим, впервые как дирижер А. Хачатурян выступил именно при исполнении этого концерта.

Что касается Третьего фортепианного концерта Д. Кабалевского (на пластинке его первая часть), то это наиболее «песенное» произведение композитора в этом жанре. В концерте широко использованы фольклорные интонации, мелодии детских и юношеских песен, созданных Д. Кабалевским. С самого начала концерт предназначался для исполнения молодыми музыкантами, учащимися музыкальных школ и потому технически несложен, язык его легкодоступен, настроение — светлое, радостное.

Совершенно иной по интонациям, стилю, музыкальному строю Концерт № 1 для скрипки с оркестром Д. Шостаковича. Давид Ойстрах, которому композитор посвятил свой концерт, писал: «... так необъятна здесь амплитуда переживаний, так многогранно представлены возможности раскрытия творческой индивидуальности артиста! Первый скрипичный концерт Шостаковича в моем репертуаре — это главная роль в шекспировском спектакле для драматического актера».

Пожалуй, наиболее насыщено эмоционально Скерцо, самая трагическая часть концерта. Именно она записана на пластинке «В мире музыки».

Воспоминание об одной записи

«Если была когда-нибудь написана музыка с искренним увлечением, с лю-

бовью к сюжету и действующим лицам оно, то это музыка к «Онегину». Я таял и трепетал от невыразимого наслаждения, когда писал ее...» — из письма Петра Ильича Чайковского к Танееву.

Примерно тридцатью годами раньше Виссарион Белинский утверждал: «... «Онегин» — самое задушевное произведение Пушкина, любимое дитя его фантазии... Здесь вся жизнь, вся душа, вся любовь его».

Слав любви двух русских гениев к своему детищу породил изумительное произведение, которому суждено было стать первым в ряду отечественной психологической музыкальной драмы.

С 1877 года и по сей день не сходит опера «Евгений Онегин» с самой прославленной отечественной сцены — сцены Большого театра Союза ССР. И именно ей суждено было стать первой оперой, записанной в нашей стране на магнитофонную пленку. Это событие в истории советской звукозаписи приурочивалось к 100-летию со дня смерти А. С. Пушкина.

Вот артистический состав, записавший «Онегина» тогда, в 1936 году. Вглядитесь только в эту драгоценную россыпь имен — подлинное созвездие оперных талантов: Онегин — П. Норцов, Татьяна — Г. Жуковская, Ольга — Б. Златогорова, Ленский — С. Лемешев, Гремин — А. Пирогов. Дирижер — В. Небольсин. Постановка — Л. Баратова.

Народный артист РСФСР, лауреат Государственной премии, профессор института имени Гнесиных П. М. Норцов вспоминает:

— Первая запись оперы... И какой, всеми нами горячо любимой! Мы работали на необыкновенном подъеме, нас просто переполнял энтузиазм. Хотя работа эта была для нас, прямо скажем, непривычной и необычной, мы выполнили ее на одном дыхании, в две-три недели. Ах, как мы были молоды, как влюблены в свой театр и свои спектакли, как дружили, как бережно относились друг к другу! Потому та запись «Онегина» для меня — не просто увековеченный спектакль, но воспоминание о прекрасных моих товарищах, о нашей молодости.

П. М. Норцова театральная и музыкальная критика не раз называла лучшим Онегиным советской оперной сцены. Впервые он спел эту партию в 1927 году и не расставался с ней несколько десятилетий. Главная идея образа, созданного Норцовым, — «страдающий эгоист», который еще не знает, чего хочет, но точно знает, чего не хочет. И рядом с ним Татьяна — Г. Жуковская, вся — непосредственность, искренность, простота; величественный и благородный Гремин — А. Пирогов; такой неожиданный Ленский — С. Лемешев, очаровательный юноша, поэт, лирик и, вместе с тем, человек внутренне мужественный, лишенный какой-либо сентиментальности.

Таким запомнился спектакль зрителям и слушателям, заполнившим зал Большого театра 40 лет назад. Легко представить волнение, с каким поставят они на проигрыватель три диска пластиночного комплекта (М10-40285-90), воскресающего голоса кумиров их молодости. Естественно интерес к этой записи и молодых, для которых те блистательные имена — история, «шагнуть» в которую помогает современная реставрационная техника.

Кстати, о технике... Сегодняшние звукозаписывающие установки мало похожи на своих предшественников. И когда ту, архивную запись, попытались воспроиз-

вести на современных магнитофонах, она зазвучала с очень большими искажениями. Специалисты фирмы «Мелодия» сделали огромную реставрационную работу, прежде чем голоса замечательных певцов вновь приобрели свою первоизданную силу и красоту.

Любят дети, с удовольствием слушают взрослые...

Речь — о пластинках для детей. Очень часто, когда сыновья и дочери включают свои записи, родители с удовольствием слушают их тоже.

Ну, например, разве может оставить кого-то из любителей музыки равнодушным высокий профессионализм хора мальчиков Московского хорового училища — художественный руководитель А. Свешников, дирижер В. Попов (диск С50-09383-4)? В репертуаре хора — Бортиянский и Бах, Калинин и Перголези... Хор исполняет много произведений современной советской и зарубежной классики.

Коллеги советских ребят — юные участники Пардубицкого детского хора из Чехословакии (художественный руководитель Властислав Новак, хормейстер Йозеф Выборны), знакомят слушателей с интересными интерпретациями произведений выдающихся композиторов разных стран (С50-09805-6).

Первые слушатели радиопередачи «Ровесники» давно уже стали взрослыми, но по-прежнему с волнением прислушиваются к ее позывным. Одна из составляющих успеха этой передачи — песни о молодежи и для молодежи. На пластинке (С50-09701-2) «Песни ровесников» помещены произведения, особенно часто звучавшие в последние годы на волнах популярной радиопередачи, «Дороги дальние» (А. Новиков — М. Львовский), «Десятиклассники» (А. Мажуков — Н. Шумаков), «Распахни свое сердце» (В. Чернышев — А. Монастырев и О. Писаржевская), «Хороший ты парень, Наташка» (В. Шаинский — К. Ибряев), «Песня Тани» (муз. и слова Н. Матвеевой) и другие.

А первые читатели стихов и сказок Даниила Хармса не только выросли, но давно уже имеют внуков, которые с не меньшим удовольствием знакомятся с творчеством этого чудесного детского писателя:

По реке плывет кораблик,
Он плывет издалека.
На кораблике четыре
Очень храбрых моряка.
У них уши на макушке,
У них длинные хвосты,
И страшны им только кошки,
Только кошки и коты.

Или про Иван Иваныча Самовара... Или про самого маленького и самого длинного человека...

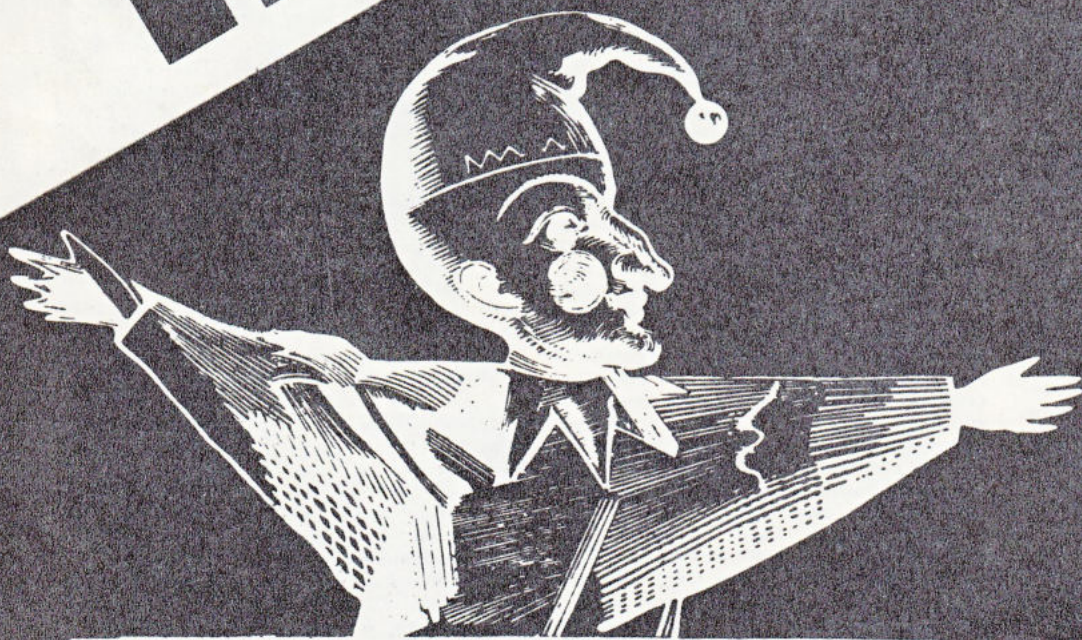
Другой детский писатель, В. Глоцер, написал теплый проникновенный рассказ о Хармсе, включил сюда его стихи и занимательные истории. Композитор С. Слонимский музыкально оформил этот рассказ. Его коллега, композитор Б. Савельев, написал на некоторые стихи Хармса песни. И все это вместе читают, рассказывают, поют Р. Плятт, Р. Зеленая, З. Гердт, С. Юрский, А. Папанов и другие любимые всеми актеры на пластинке (М50-40481-2), получившей название по первой строчке одного из стихотворений Д. Хармса «Из дома вышел человек».

КРУГ ЧТЕНИЯ

А. БОССАРТ,
журналистка

ПОЛИШМИНДЕЛЯ

СЕКРЕТ

По страницам журнала
„Декоративное
искусство СССР“
(№ 2, 1978 г.)

Спектакль — всегда праздник. Кукольный спектакль — праздник вдвойне. Потому что, по словам одного из авторов журнала «Декоративное искусство СССР» профессора Ю. Лотмана, «кукольный театр обнажает в театре театральность». Такой праздник «в квадрате» устроила в № 2 для своих читателей редакция этого журнала. В конце номера его создатели оговариваются: «На сорока восьми страницах мы не рассчитывали, конечно, охватить все темы, связанные с проблематикой кукольного театра. Нам хотелось лишь привлечь внимание читателей к важной отрасли художественного творчества, в которой остро и неожиданно решаются проблемы современной культуры». Но и не охватив всего множества проблем, журнал все же вышел далеко за пределы собственно декоративного искусства.

Диапазон номера, вкус, прояв-

ленный в его композиционном построении и оформлении, наконец, сама проблематика заставила нас обратиться к данному изданию и рекомендовать его вниманию клубных работников. Но не только это.

В передовой статье Сергей Владимирович Образцов утверждает: кукольные театры на подъеме. Ему можно поверить и на слово. Но авторы номера берутся все же объяснить этот феномен с разных точек зрения — искусствоведческой, социологической, исторической, психологической.

Что такое кукла? В конечном счете к этому вопросу стягиваются все нити номера. Елена Беседовская отвечает на него своеобразным историческим экскурсом, героем которого становится Петрушка, он же — Пульчинелла, Полишинель, Панч, Кашперле, Кристоаль, Кашпарек...

Он шествует по миру, принимая разные, непохожие облики, приобретает национальные черты, умирает и возрождается. Немецкому Петрушке — Кашперле, или Гансвурсту, — «выпала честь принять участие в одной из самых драматических поэм о величии, падении и новом величии человеческого духа»: Гете сделал его слугой своего Фауста.

Но несмотря на вариации в судьбе, на акцент шуток, тематику репертуара, миссия всех Петрушек одна: «Утешить и вызвать смех. Смех целебный, изготовленный по древнему рецепту для спасения человеческого духа от обид...»

«Куклы обличения и борьбы» дерутся, пародируют, хохочут. Но так ли однозначна их функция?

— Что изменилось за последнее время в характере самой куклы, в ее облике, и каковы причины этих перемен? — этот вопрос редакция «ДИ» задает генеральному секретарю УНИМА (Международного союза деятелей театра кукол) Хенрику Юрковскому.

— Изменилось многое, также как изменилась наша жизнь и театральное искусство вообще. В новой ситуации кукла уже не должна копировать человека... Кукла стала символом, знаком, метафорой человека. И это перенесло куклу из области имитации в область творчества.

«Кукла обладает способностью превратить вымысел в правду, в метафору», — говорит Сергей Образцов. Метафорическая сущность Петрушки, как и всякой куклы, беспорочна. Она традиционна, как гуманистическое направление кукольного театра вообще, как и сам кукольный театр.

И. Уварова рассказывает в журнале о режиссере и художнике вильнюсского театра «Леле» В. Мазурасе. «Эстетику Виталиса Мазураса... можно назвать национальной и народной, но это будет лишь самый дальний круг на воде. Все здесь глубоко и заветно, все уходит к началу, к первым дням творения, ко временам, когда люди были наивны, как дети, а дети мудры, как старцы. Когда материя еще не отделилась от духа, человек еще не обособился от природы и вымысел не порвал с правдой... В литовском языке обнажены корни праязыка санскрита; в литовских сказках Мазураса открываются прообразы мифа. И нет нужды в стилизации и подделке под старину; он сам выбирает в базарный день старую и довольно облезлую шкуру, а в кармане лежит подобранный обломок оловянной ложки. И будет подлинная маска с одиноким оловянным зубом...»

Нам представлен один художник, работающих в особой системе — системе фольклора, создающий фольклорные образы из фольклорного материала. Но это не просто один художник. Это тип, это метод.

Из Вильнюса журнал переносит читателя в Магнитогорский кукольный театр. «Буратино» — театр синтетический, в одном спектакле выступают здесь куклы и актеры. Главный художник Марк Борнштейн не только включает своих кукол в ансамбль живых исполнителей, но и сам играет на сцене в лучшем спектакле театра, созданном по «Маугли» Киплинга. Главный художник театра «Буратино» представляет еще один тип создателя куклы. Тип художника, работающего в системе литературных стилизаций. Грубые, рубленые из дерева, «самодельные» куклы в «Мальчише-кибальчише»; изящно-кружевные персонажи «Трех мушкетеров»; мягкие игрушки из компании Винни-Пуха, живущие в нижнем ящике комодаширмы; иронично-традиционные Буратино, Пьеро, Мальвина...

«Куклы молодой художницы... подчеркнута скульптурны, и в этом их своеобразие. Однако ее творчество можно соотносить с творчеством тех художников, которые при внешней статике скульптуры ищут динамизм в сочленении различных материалов», — рассказывает Е. Егорьева о постановщице Московского областного театра кукол Людмиле Танасенко. — Ее куклы тяготеют к статике. А это уподобляет их маленьким

скульптурам, что так характерно для современной куклы, стремящейся к большим обобщениям».

Кукла давно перешагнула границы рампы, она вдохновляет живописцев, скульпторов, графиков и, конечно, прикладников...

Отбросив горшки, гончары обращаются к «богам» — маскам и куклам, «способным на небольших глиняных подмостках сыграть любой фарс из «человеческой комедии», — пишет Юлия Платонова о новом веянии в «малой пластике» (статья «Во власти Мельпомены»). Автор предлагает даже новый термин: «керамотеатр». «В статическом искусстве керамопластики эффект неожиданности создается своими специфическими средствами... здесь внешнее движение заменяется внутренним, а иллюзия взрыва создается не драматизмом сценического действия, а драматизмом материи, ее состоянием, выражением».

Знакомая нас с плеядой молодых керамистов, автор показывает, как природа одного искусства — театра — стала вдруг проникать в суть другого — керамики. «Их природа двойственна и трудно определима. Их морфология — это морфология Дафны, уже не человека, но еще не дерева», — говорит Юлия Платонова по другому поводу, но эти же слова хочется применить к тем скульптурам-куклам, о которых идет речь. Перед нами разворачивается удивительно интересное событие: преобразование «гончарного» искусства в искусство кукольного балагана.

Салтыков-Щедрин назвал «тайну куклы» самой захватывающей из всех тайн. Какую куклу он имел в виду? Ту, которую вырезал человек по образу и подобию своему и которой дал движение, жизнь и душу, дергая за ниточки? А может быть, другую — ту, которая «вылеплена из глины земной»? Это суждение об изначальном смысле куклы, марионетки как аллегории жизни чрезвычайно интересно анализирует в статье «Смех и слезы средневековой марионетки» Светлана Неретина. Здесь мы снова возвращаемся к «единству и борьбе» куклы и скульптуры. И автор логически приходит к заключению, что хотя кукла и неизмеримо ниже стоит на лестнице искусств, чем скульптура, но скульптура — это создание человека, а кукла — порождение жизни, как и сам человек. Она — партнер человека, его соперник, она — «не — Я» человека. (Иронически такое осмысление куклы представлено, на

мой взгляд, в спектакле Государственного Центрального театра кукол «Божественная комедия»). Но не только динамизм ее природы связывает куклу с реальной жизнью. В средневековые она — «составная часть самой жизни... Потому-то она, как и сказка, не была принадлежностью только ребенка. Пылкая возлюбленная одевалась в негнущуюся парчу, бесстрашный рыцарь — в стальную броню. Причем броня надевалась, как правило, не в бою с врагом, а на турнирах, т. е. на играх». Иначе говоря, и игра, и кукла начинались в мире как атрибуты взрослого человека.

О том же говорит в статье «Дочки-матери» Галина Дайн. Народная самодельная кукла, оставаясь предметом игры (кстати, не только детей, но и молодых девушек), для взрослых приобретала дополнительное магическое значение. Она несла в себе содержание древнего тотема, фетиша, талисмана, который, в свою очередь, в первобытном обществе и был не чем иным, как куклой...

Сегодняшний кукольный театр всегда имеет взрослый репертуар. Как видим, это не мода, не эксперимент. Напротив, это возвращение к истокам, выражение исконной сути куклы.

Амплуа женщины в «балаганчике» жизни исследовал Блок, видя в образе куклы символ не только потерянной Любви, но и спящей Руси (статья З. Минц «Антитеза Прекрасной Даме»). Особый мир бутафорских отношений, деревянных жестов, восковых обличий и механических душ строил Юрий Тынянов (статья М. Левиной «Кукольный мир Тынянова»). Материали куклы и общались с ними Добужинский, Фаворский, Пикассо, Тышлер (статья В. Бахталовской «Мастера играют в куклы»). «Тайна куклы» занимала Платона, Аристотеля, Шекспира, Сервантеса, Мольера, Свифта, Гете, Вольтера: цитаты жемчужинами рассыпаны по полям и форзацу номера «ДИ». А какую мощную «труппу» наших современников — педагогов, актеров, режиссеров, художников — кукольников-энтузиастов выпустил журнал в эпиграф-хронике под занавес!

Помедлим же опускать его. Возьмем куклу с собой. Пусть она беспрепятственно перейдет к нам, в мир взрослых. Не забудем, что багаж ее драгоценен. «Она несет с собою воспоминания о детском, фольклорном, мифологическом и игровом мире. Это делает куклу не случайным, а необходимым компонентом любой зрелой «взрослой» цивилизации».

КАК ПОПАСТЬ В «КАДР»

При Центральном Доме народного творчества имени Н. К. Крупской Министерства культуры РСФСР работает Всероссийский фотоклуб «Кадр».

Ежегодно его правление организует четыре персональные или коллективные выставки лучших работ членов «Кадра», содействует публикации их снимков в газетах и журналах, демонстрации по Центральному телевидению, представляет фотографии на республиканские, всесоюзные и международные выставки и конкурсы.

Фотоклуб «Кадр» дает письменные и устные консультации. Дома народного творчества и межсоюзные Дома самодеятельного творчества РСФСР могут пригласить к себе представителя клуба для проведения семинара с фотолюбителями. Для этого необходимо, чтобы местное управление культуры

или культурно-массовый отдел совпрофа прислал в фотоклуб официальный вызов.

Сейчас по республике «путешествует» шесть передвижных фотовыставок клуба. Их маршруты определяются письмами-заявками Домов народного творчества, присылаемых в «Кадр». В письме должна быть гарантия готовности принять и оформить выставку и указаны желаемые сроки.

Чтобы стать членом «Кадра», участникам местных любительских коллективов надо прислать рекомендацию своего фотоклуба и пять лучших снимков форматом 18 × 24 см. Фотолюбители, занимающиеся индивидуально, представляют рекомендацию Дома народного творчества или межсоюзного Дома самодеятельного творчества.

Почтовый адрес фотоклуба «Кадр»: 121019, Москва, абонементальный ящик 95 [тел. 290-59-98].

